

НАДЕЖДА
ОЖИГИНА

РУДА

ИСКУШЕНИЕ

СКРИЖАЛИ О ЧЕТЫРЕХ

Надежда Ожигина
Руда. Испытание.
Скрижали о Четырех
Серия «Скрижали о четырех», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68950284
SelfPub; 2023*

Аннотация

Победив войско Нахара, Эрей вместе с побратимом Викардом, светлым магом Истерро и полковником Гонтом отправляются на поиски Руды, главного артефакта мира, упавшего на Светлую сторону. Руда вызвала землетрясение, разрушила крепости и города, свернула с привычного русла Алер, могучую реку Хвиро. И если её не вернуть во Тьму, кто знает, какие новые беды обрушатся на привычный мир. Путь Эрея лежит к Пустотным горам, к древней крепости, отстроенной тёмными магами. Что его ждёт в пути? Ведь в крепости его поджидают могущественные враги, заманивают в ловушку, угрожают тем, кто стал дорог Эрею, мёртвому магу с полумёртвым сердцем. На крепостной стене стоит Лайна Фе, жрица Викки, являвшаяся магу во снах! Она манит несбыточным счастьем, нашептывает о любви! Однажды он спас её. Чем отплатит жрица тёмному магу? И сумеет ли Эрей – бессмертный выродок, как часто кричат ему вслед из толпы –

отыскать свою истинную любовь? Через что ему придётся пройти, чтобы сыграть на равных с учителем?

Содержание

Предтеча	5
Свойства и Сила Руды	9
1. Озеро Шести печалей	11
Культ Птицы, Эттиввы и Четырёх хранителей	38
2. Опустевшее русло	41
Священное озеро Пак-Йолли	76
3. Вниз по реке	78
Духи Стихий	121
4. Тёмный замок	123
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Надежда Ожигина Руда. Испытание. Скрижали о Четырех

Предтеча

Лайна Фе стояла на зубце дозорной башни, широко расставив ноги в ботфортах. Плащ из рысьей шкуры то бился о бёрда, то взвивался к небу, как инь-чианьское знамя. Мёрзлый горный ветер шутил над обездвиженной стражей, теребя полы расшитой рубахи, задирая лён до самых бёдер. Оттуда, снизу, от смотровых щелей, открывался берущий за душу вид, но не на пустоши Межгорья, увы нерадивым ратникам, на длинные ноги жрицы. Ей делалось щекотно под жадными взглядами, до озноба, до мелких мурашек. И было плевать на то, отчего распахнуты пересохшие рты и куда пялятся дурные глаза. Жрица смотрела на Цинь, заслоняясь ладонью от ветра.

Далеко, ещё так далеко!

Как же медленно, Единый Бог!

Где-то там, по убитому трясением тверди бывшему Семикняжью, продвигался небольшой караван. Лайна Фе при-

крыла глаза и увидела их куда лучше и чётче, чем в телескопы Свальда. Тёмный маг на цельконе, рядом Викард. Следом Истерро, куда без него? Кто они все без монаха, одолевшего войско Нахара? После – мрази, и с ними Даритель, держится в середине отряда. Это правильно и умно: не лезть на рожон, но не теряться.

Лайна Фе украдкой вздохнула. Нет у человека злобнее во рога, кроме него самого. И отравленная кровь истекает из скрытых порезов на сердце. Ей ли не ведать этого?

– Я готова, – шепнула жрица Эрею. – Готова и жду, ты обещал! Ведь идёшь не за мной, но ко мне. Я согласна рушить чужие судьбы!

Поднял голову молчаливый маг, прищурился, вскинул руку. Не привет собеседнице, защитный жест. Не взгляд, пробоина в иные миры, в чернильную глубину нежизни, что раскинулась над Океаном.

И там, в антрацитовых этих пятнах, мигнуло на миг: ледяная пустыня. *Аметистовые* сполохи, *рубиновый* морок. Алчные, хищные высверки звезд, как глаза обступившей стаи. *Рудные* наплывы, промёрзлая твердь, торосы и снежные бастионы. Разреженный воздух, как обруч на рёбрах. Заиндевевший княжеский трон в окружении мёртвых скал, хрупкий шёпот в злобной позёмке: отныне и навеки, да будет так!

Тень, бредущая по обломкам льда.

Вечная тень в истрёпанном платье, с волосами, как ржа-

вый металл, с кожей белее снега, в колючках острого инея.

Вот он, итог пути! – звенит над ней твердь Океана. – Вот цена твоей жертвы, ведьма.

Кто-то хохочет, рокочет, Океан разламывается на части, ранит осколками землю. Рушатся снежные замки, вонзаются в мерзлоту сталактиты, осыпаются звёзды ненужными блёстками.

Нет больше мира. Стёрли. Переиграли в мажеских играх. Размололи в пыль, как убитый *камень*, одним щелчком мозолистых пальцев...

...Двое шагают по хрупкой пустыне, скрипом шагов круша тишину. Преклоняют колени у трона, чтобы снова забрать чужое, Княжье.

Ржавоволосая тень вскидывает руки, как крылья, вырачивает в окоченевших пальцах беспощадные ледяные ножи...

Тьма и страх.

Лайна Фе открыла глаза, подставляя лицо ледяному ветру, идущему с Мельтских гор. Ветер высушивал слёзы, разгонял по скулам, прятал, стирал. Стражникам, что застыли внизу, изучая стройные женские ноги, ни к чему метания варварской ведьмы, пусть остаются в блаженном неведении. И она улыбнулась ветру, будто доброму другу, как любимому беспутному брату, вернувшемуся из похода.

Оправила рубаху и плащ. Спрыгнула с зубца на смотровую площадку, будто и не было двух саженей под подошвами

мягких сапог. Стража под насмешливым взглядом построилась, изобразила рвение и готовность служить госпоже иньчианке. Лайна Фе облизала губы, будто змея языком стрельнула.

Солдаты кратко вздохнули в ответ, дружно, как единый боец.

Жрица развеселилась.

– Передайте хозяину: зов отправлен. Пусть готовит достойную встречу.

Её провожали взглядами, алчными, грубыми, непристойными. В мыслях с неё содрали рубаху и натешились всем отрядом.

Лайна Фе не боялась ни липких взглядов, ни подлых солдатских мыслей. Жрица Викки, невеста вольного демона, приманка для мага Камней.

Свойства и Сила Руды

В мире Кару два магических полюса: Камень Мира и его антипод, Руда, называемая также Кольцом Некованым, ибо в Кольце родилась, и не сыщется Силы, способной его переплавить.

Руда и Камень – ось мироздания, от них тянутся нити к камням и рудам, и от этой подпитки творится магия, возносится в Высшую Сферу, создавая невидимый Океан, охвативший мир, точно кокон.

Руда – это сердце мира, горячее и неровное. Биение Руды гонит кровь по артериям, насыщая магией суще. Раскалённая докрасна, светит она посреди Целены, Тёмного полюса. И откуда слышится её звон над ледяной пустыней, мир будет жить, и сиять, и биться. Но вырви сердце из груди человека – долго ли протянет тело?

Троньте Руду – пошатнётся Камень. Ибо если Руда – сердце мира, Камень – его мозг и лёгкие. Вся память от Света Пера до становления тверди, от Первой войны до Последней, – записана на Каменных гранях.

Смещение полюсов нарушает равновесие Кару. И неважно, что станет первой причиной: бунт Стихий, колыхание тверди, вызванные Рудой, или помутнение сердец и умов, растревоженных Камнем, – итог один во веки веков. Раньше

или позже, так или иначе.

Пояснения и дополнения к трактату «Свойства и Сила Руды»
из «Сути вещей» Муэдсинта Э'Фергорт О Ля Ласто.

1. Озеро Шести печалей

Лайна Фе не любила замок. Выдолбленный магией в чреве горы, обративший пещеры в залы, протянувший щупальца дальних штолен и потайных ходов к озеру Пак-Йолли и к отрогам Мельт. Неприятное место, каменная клеть. Всё кругом мертво и беззвучно, ни зверей, ни вольных птиц, ни деревьев. Лишь насекомые и вездесущие крысы.

Ну и люди, куда же без них. Хуже крыс, хуже клопов.

Люди наполняли замок звуками.

Солдаты гоготали и пели песни, жарили мясо, пили вино. Бряцали оружием в древних гротах, похвалялись стрельбой из лука, сбивая фигурные сталактиты, покрытые мажьими рунами. Тащили за косы девок, прихваченных на равнине, принуждали стирать и готовить, ублажать всякого, кто потянет за юбку, подтверждая своё право кинжалом.

Ей пришлось покалечить не один десяток, прежде чем поняли, твари: не стоит! Ни к чему тянуть грязные пальцы и исходить слюной. Ну а Рош объяснил особо упрямым, что хозяину без разницы, кого пытаться ради обретения Силы.

Люди из катакомб были громкими и визгливыми. Знал своё дело палач Фелкаст, выкручивая жертвы, что тряпки. Стон и вой летели из верхней башни, где хозяин велел обустроить пыточную, и тогда умолкали даже солдаты, а в тиши-

не, усиленной эхом, смачно трещали чужие кости, надрывались жилы и сухожилия, захлёбывались кровью взрезанные глотки.

Страшно. Каждый день, каждый миг.

А потом привыкаешь. И слушать, и жить, и бояться.

Здесь, в малой башне, в двух крохотных горницах, отведённых под покои Лайны, крики почти не тревожили. Рош расстарался, добыл ковры, завесил стены медвежьими шкурами: и теплее, и звуки гаснут, не тревожат сон инь-чианьской жрицы. В её комнатах были даже оконца, смотрящие в сторону Мельт, узкие, точно щели, будто кинжалом кто процарапал. Высоко, рукой не дотянешься, с перекрестьем железных прутьев. Но зато в них виднелось небо над вершинами Мельтских гор, и снаружи затекал воздух, сырой и густой, как сливовый кисель. Роскошь для подгорного замка, знак благости господина.

Лайна Фе скинула плащ, поставила ногу на подлокотник, подтянула мягкий ботфорт.

– Ах, какой вид! – цокнул едкий язык. – Ах, какие изгибы!

Жрица фыркнула и неторопливо подтянула второй сапог.

– Лир-де-Стэг, какими судьбами?

– От хозяина, душа моя, царица грёз, всё от него с поклоном, – пропел балагур из-за портьеры. – Ну и с тайной робкой надеждой. Вдруг тебе одиноко без медноглазого витязя? Так я бы развлек и утешил, лютней, звонким стихом, а может, иными талантами!

– Словоблуд, – отмахнулась ведьма. – Говори, что нужно хозяину.

Семиус Лир-де-Стэг поскучнел:

– Он нетерпелив, наш добрый хозяин. И предсказуем в своих интересах до зубовного скрежета. Ему не по нраву твои бёдра, красавица, его заботит только Эрей. Где теперь маг, как скоро ждать в гости?

Лайна фыркнула и задрала голову к лоскуту предзатменного неба в оконце:

– Он в Семи Княжествах, бредёт по кромке. Мы не Фелкаст, красавчик, мы не работаем в лоб, грубой силой, как попытался грифон. Нет смысла сражаться с Эреем Тёмным, надеясь его иссушить. Я и Рош приведём мага бережно, ласково. Зачем биться тараном в ворота, если можно открыть ключом?

– Ключ есть к каждой двери, царевна?

– Разумеется, на то и дверь.

Лир-де-Стэг рассмеялся, притягательно, хрипло, касаясь губами её плеча:

– Как романтично, душа моя. И что же вскроет Эрея Тёмного?

– Разве это моя печаль? – оттолкнула его Лайна Фе. – Я должна поманить наградой, пообещать несбыточное. А потом тихонько подтягивать лесу, чтобы в нужный момент подсечь.

– Стерва! – пылко прошептал Лир-де-Стэг и с поклоном

вышел из комнаты.

– Пустельга! Вон, гляди! – крикнул Викард и громко хлопнул в ладоши, чтобы спугнуть наглую птицу.

Пустельга потопталась на пне и глянула на варвара с ехидным укором. Мол, что шумишь, лес тревожишь? Заняться нечем, инь-чианьский витязь?

– Сбить её? – Тверк сунул руку в колчан.

– Оставьте птицу в покое! – немедленно встрял Истерро, ну а куда же без Бабника. Семидневок молчал, лишь молился под нос, а тут прорвало бедолагу: – Что вы, жрать её собрались? Посмотрите, какое чудо! Что за окрас, чисто розовый *квариц*!

Мрази переглянулись, но спорить с монахом не стали.

– Пустельга – это пустые хлопоты! – выудил со дна памяти инь-чианин.

– Дурьи бошки! – захекал Стейси, закричал, зацокал, затанцевал, будто в кусты приспичило. – Сокол, а в клюве держит орех! Не мышь, дурные вы души, не зайца шустрого, а лесной орех! Вам бы попросить расчудесную птицу, с поклонами, с заговорами, чтоб оставила на пне добычу, да посмотреть, что под скорлупкой!

– Вот я выстрелю разок и сразу посмотрим! – Тверк решил идти, где короче, и не кланяться пернатой твари. – Лучше б зайца принесла на обед.

– Ой, зелёный, за что люблю: с тобой не скучно, душа-дре-

воид. Да хлопотно до мурашей.

Стейси Ван-Свитт сам пошёл, бочком, бочком, перебежками, засеменял ногами, шажок вперёд, два помельче – на отступ. И шептал при этом на невнятном наречии, уговаривал и насвистывал, и снова продвигался на три шажка.

Пустельга смотрела на него с сочувствием, слишком явным для твари безмозглой. Потом склонила пятнистую голову, положила на пень орех, будто милостью одарила. И взлетела за миг до того, как Стейси прыгнул вперёд. Осталось в руке легендарного мразя лишь розовое перо на память. Ван-Свитт с улыбкой воткнул его за ухо и прихватил орех двумя пальцами, демонстрируя почтеннейшей публике, точно глумец в балагане.

– Любопытно, – сказал Истерро, но интереса никто не почувал, и Викард огорчённо вздохнул. – Лещина растёт дальше к Юциню, здесь кругом сосны да ельник.

– Нет, – улыбнулся Бабнику Стейси. – Любопытно совсем другое. Птица орех подарила, видали? Положила, кхе-кхе, поклонилась вот эдак со знанием этикета, чуть лапами не расшаркалась. И дёру дала, злыдня пернатая!

– Заняться вам нечем? – укорил Альбин Вран, таща в лагерь сухое бревно.

Даритель с охапкой хвороста горячо его поддержал.

Занятий и вправду не находилось, мрази от скуки маялись. Только Вран обижался напрасно, его очередь кашеварить. Да ещё и полковник Гонт на подхвате! Эдакая честь

привалила.

«Надо было словить пустельгу, – лениво думалось варвару. – Приручили бы бересту таскать, не всё ж любимцев братко неволить! Сокол в походе – два крыла пользы»...

– Тю! – огорчился Стейси. – А орех-то пустой и гнилой! Тоже мне подарочек, скажите на милость.

Викард оглянулся на побратима. Эрей сидел под сосной, опирался спиной о ствол, пачкал мантию пахучей смолой. Ещё мгновенье назад дремавший, маг внимательно смотрел на Ван-Свитта и будто решал шараду, складывая камушки на песке.

– Пустельга, – сказал магу Викард. – Говорю же: пустые хлопоты. Вот и орех пустой!

Братко кивнул, вновь прикрыл глаза. Княже, дай ему выспаться, не сгуби тёмную душу! Магу бы за Стену на звёздный круг, в целебный воздух Аргоссы, жрать Силу ложкой, на хлеб намазывать, впитывать посеревшей кожей. Пусто в заветной Эреевой фляге, мёртво в мажьем нутре, не сверкает шальная искра под ногтем. Муторно магу Камней после стычки с грифоном.

А кому в мразёвской дружине не муторно? Даже безумный Стейси поминутно кряхтит да бока потирает: позабавился мерзостный гриф, порезвился. Вдруг издох в Гекантоне светотени на радость?

Лучше бы, конечно, не сдох. Чтобы хвост ему накрутить за братко!

Инь-чианин вновь оглядел дружину. Чтоб вам всем, до чего ж неладно!

Пахнет скверно, гнилой листвой, и это в добром сосновом бору, что любое зло на корню убивает!

Даритель словно оуклился, что там вылупится – неизвестно. Молчит, с проклятушим варваром, да ещё и в предгорье Мельт, беседовать не желает. А недавно ведь бок о бок стояли, кровью сырую землю поили, и своей, и мёртвого во рога. Дать бы в ухо, чтоб разум вернуть, чтоб на место всё встало в дурной башке! Даже в сердце саднит от глупой обиды, так жаль неродившейся дружбы.

Пустые хлопоты, никчёмные беды. И в развязке – Кольцо Некованое, к которому не подобраться тёмным душам, служителям Камня.

Викард кинул взгляд на Истерро, будто копьё с разбегу метнул. Понимает ли, простота пресветлая, на кой ляд его тащит с собой Эрей? От Храма и искупления снова в поход мразёвский, сквозь боль да по рваным в клочья телам, не лечить, перешагивать в спешке?

Вряд ли. Ох, лихо-лишенько. Он и не Силится понять, Белый Бабник, покорно идёт, коль позвали, с теми, кому привык доверять.

Не от него ли гнилью несёт? Сладкой такой, покаянной, осенней, когда палый лист дождём размывает? Сломали Бабника, как клинок об колено. Сидит вон, молчит, ко всему безучастный. Лишь *камушки* в пальцах перебирает, дивной

красы *аметисты*, собранные на цепи.

Сразу видно: братко сыскал.

– Жрать идите! – прикрикнул Вран, колдуя над котелком.

Рацион был скудный, однообразный, и Викард поспешил забрать свою долю, с сожалением думая о пустельге. Эх, нужно было ловить. Не приручить, так мясцом разжиться. Хотя какой с соколиных навар?

Лагерем встали неподалеку от озера Шести печалей. Не единожды бывавший в Семикняжье Даждьбор, окая и придыхая, поведал дружине сказание племени мелэт, издревле обитавшего у подножия Мельтских гор. Мол, в далёкие времена, когда небо было прозрачней, а лес кругом не народился, стоял в этих наделах замок, умеющий летать по воздуху. В летающем доме жил хозяином маг, и ввысь поднимали сию крепостцу *камни* немислимой Силы. И возлюбил, значит, тёмный маг девушку племени мелэт, разумницу да красавицу, вышивальщицу по белёному льну.

– В смысле – полюбил? – удивился Тверк. – Он что же, как наш предводитель, с придурью?

Эрей иронически выгнул бровь, но древоиду после стычки с грифоном прощалось и не такое. Чем Тверк беззастенчиво промышлял, оттачивая острый язык.

– Тогда, – воздел палец Даждьбор, растягивая певучее «о», – разное непотребство творилось: умели маги колдовать вне Аргоссы, влюблялись в девиц краснощёких. Даже мажили миру на пользу. Сказочные времена!

– Полюбил и что? – вернул к рассказу Даритель.

Викард всё доподлинно прознал про мальчика да смолчал, не выдал Эрею. Не удержался влюблённый сопляк, полез к своей ненаглядной Милине. Прямо с поля ратного, с берега Алера, едва доложив Императору о победе над войском Нахаровым. Поехал героем вглубь Альтавины, грудь колесом, перья торчком, в зачарованный замок Хентайн. Да видать не заладилась свиданка у вьюноша, вызвался с ними в поход, сидит, обиженный на всю светотень, сказаниям о любви внимает! Глупый щенок, падкий на ласку и на прелести бабские!

– Полюбил тёмный маг красну девицу, а она от него в крик да дёру, ножками белыми по лесу, не разбирая дремучие тропы. Токмо без толку, на то он и маг. Схватил вышивальщицу, уволок в тёмный замок да взлетел под небеса от погони, от мести злобной родни, от лихих охотников племени мелэт!

Ох уж эти фантазии виков! Кто ж возьмётся мстить тёмным магам? А может, ныне народ измельчал?

– Замок от земли оторвался, ямища под стеной народилась. Быстро заполнили впадину воды с благостных Мельтских вершин. Появилось озеро, мутное, ржавое, в него и прыгнула красна девица, оттолкнувшись от крепостной стены. Замок успел подняться висооооко...

– Без шансов, кратче, – хмыкнул Викард. Не было нонче в нем драматизма, одна ирония вперемешку с грустью.

– Без шансов, – не стал спорить Даждьбор. – Простая ж баба была, не мразь. В озеро плюхнулась и потопла. Но с тех

пор, глаголют, сие озерко помогает изгнать из души печали. Мол, раскаялся тёмный маг, долго лил слёзы над водной могилой. Шесть поясов просидел на берегу, шесть *камней* сотворил, плача по деве, и швырнул их в мутную глубь. От сих *камней* посветлело озеро, наполнилось целительной Силой. Потому не лишне омыться в нём перед дальней дороженькой. А то не дружина у нас, милсдари, а юдоль скорби великой. С подобным настроем в поход не идут!

– Многие там, поди, омываются, – хмыкнул неугомонный Тверк, потирая зелёные лапищи. – Ой, многие, на шесть-то мажьих *камней*! Всё дно прочесали и песочек просеяли. Темнейший, ты байку такую слышал?

Эрей лишь качнул головой. Не хотелось братко тратить слова, Викард чуял и сам помалкивал. Да и Тверк не дурак, должен смекнуть, ан нет, пристаёт, тормозит, в сон не пускает, в благой Океан. Ох, проведать бы, зачем то древоиду!

– Далеко до озера? – спросил Истерро.

Стейси сразу вскинулся, заухал филином:

– Да саженой двести, не больше, если мерить варварской мерой. Бери, милсдарь, ближе к горам да топай по лесочку сосновому. Только уцелело ли озерцо? В Семи Княжествах нынче кругом инако.

Прав был Стейси, голова бедовая. Некогда эти благие земли подпитывал щедрый Алер, забирая в себя речушки с Мельт, тёл вольготно и бурно, насыщая влагой озерца да болота, что встречал на пути. А теперь могучий и вздорный

поток торил русло в обход Семи Княжеств, ломая напором воды Олету, снося деревни и города.

Они ехали по Семикняжью от Сельты, перейдя Бир, приток Алера, по мосту возле крепости Бирва, той, где сотни Нахара-в-Шапке осквернили статую Разрушителя. Да будет Нахар проклят во веки, да покроется плесенью шапка его!

Грустная песнь ждала путников, плач о погибших в трясении тверди. Мельты – горы грозные, злые. И в спокойную пору то камнем метнут, то селевым потоком накроют, то прорвётся скрытая перемычка, отделявшая горное озеро, да сметёт ледяной водою деревню. Издревле глаголют мудрые люди: не селись у подножия Мельт!

А тут землю трянуло! Возле самых корней! Как устояли, родимые, одному Эттивве и ведомо, заслонил, видать, Разрушитель, прикрыл Инь-Чиань щитом своим *рудным*.

Мельты выжили, но лик поменяли. Посыпались кряжи в долины, смели городишки, пожгли огнём, затопили студёной водицей.

Страшное делалось в Семи Княжествах. Вроде война не достала, а трупы и схоронить-то некому. В какое село не зайдёшь, знай нос затыкай да в подвалах шарь, вдруг где съестным разживёшься. Думали поначалу по-честному: в харчевнях питаться, ракушкой платить за хлеб и вино, ан нет! Не дал Единый честного промысла, мародерствовали на чужой беде. А куда деваться, святоша Бабник, коль харчевни здешние опустели, а зверьё рвало копыта да когти, птица трудила

крылья, прочь спешила от разорённых гнёзд? Провиант ведь брали с собой под расчёт, а сочли до обидного мало.

Снова пожрать захотелось, да так, что в подлом животе заурчало. А казалось бы, только ложку обмыл и припрятал за голенище!

Эрей насмешливо выгнул бровь. Это славно получалось у братко, бровями двигать, что речь толкать. То похвалит, то выбернит, то пошлёт далече, куда сам ни в жисть не пойдёшь. То спросит строго, то удивится. Хорошие брови, кратче, говорливые, не то что хозяин.

Сказал бы лучше, чем насмешки строить, где провизию искать в мёртвом лесу? Сходить, что ли, с Бабником к озеру? Может, рыбой удастся разжиться?

Эрей посмотрел, потемнил глазами: сходи, Святогор, коли не трудно.

Викард оглянулся на Истерро, хмыкнул.

Бабник уже встал, развернулся к горам и пытливо взирал на лес, на славный такой соснячок, переломанный сошедшим обвалом. Кто его знает, светлую душу, может, вирши слагал, может, сосны считал! Такого одного отпустить к озерцу, всё равно что день потерять впустую. Потому как придётся искать, аукать, будить тишину надсадными воплями.

– Я с вами пойду, настоятель! – подскочил настырный Дар Гонт.

Это добре, этот пускай шагает, отмывается от встречи с

Милиной. Одолела парня кручина, такой заразе сердце врубил!

– Ну и я пойду, – оживился Вран, отлынивая от мытья котелка. – Моя печаль всех суровей: приставили к поварёшкам, чтоб вас Князь покарал, мрази дурные!

– Раскаркался, – захихикал Ван-Свитт, – разобиделся, добрый молодец, кашу-то клинком не приправишь, навершием не посолишь! А кто ты, Вран, без *руды* прадедовой?

Альбин отмахнулся от Стейси Ван-Свитта: тот умел, коль дела не находилось, прицепиться клещом к большому месту да шевелить хоботком, расчесывать. Был бы Эльфик в дружине, пытал бы его, изводил поминутно попрёками. Но ушёл из отряда Сольбери, остался в степи над Алером вместе с насмешником Гварком, умевшим отбрить и Тверка, и Стейси. Сгинули оба в очищающем пламени, хотя мерещилось: следом едут, вот-вот догонят дружину мразёвскую.

Викард смекал, что к чему. За Бабником тени тянутся, кровавые, беспокойные, не хотят отпустить, уцепились за сердце, царапают злыми когтями.

Трудно примириться с виной. Трудно простить себя самого, особенно если виниться не в чем. Вот и бродит Бабник смурной, ищет покоя, да только куда там! Тени-то всё равно при нём, не отпеть, не отмолить, не отвадить. Сам им сердце сует, нате, ешьте...

Ох, опять на еду потянуло!

Варвар прищурился на побратима: мол, компания соби-

рается, не заблудится Бабник, не собьется с пути! С ними шагать али как?

Эрей бровью стрельнул, что лук разрядил: верхами иди, Святогор, силушкой подмастерья Скалистого острова.

Это добре, братко, отчего не размяться? Можно и станцевать соколику!

Викард от души потянулся, осерчал на дурную кашу и скверного кашевара, побрел в кусты на краю полянки, тирания завязки портков. А сам с одного прыжка на сосну, по веткам, стволам шустрой белкой-летягой да так, что ни деревца не качнуло, ни иголочки не прошуршало.

Хорошо было в сосновом бору, душисто, смолисто, да больно тихо. Ни пичуги певчей, ни дятла-труженика, ни деловитых мышей в подлеске. Даже жуки-комары не жужжали. Больно схоже с одной дубравой, с той, где обелиск и белый клевер. Не любил Викард таких схожестей.

Возмечтавшие смыть печали шагали молча да скучно. Им бы с кем словом обмолвиться, выговорить беду, разделить! Нет, молчат, как деревянные чурки, на которых ремесленный люд Инь-Чианя резал лики детворе на потеху. И смешные, и соком ягодным крашенные, а молчат лубяные игрушки, сам придумывай, что им надобно, речи мудрые приставляй к губам.

Что тревожило Истерро, Викард прознал. О чем тосковал Даритель, смекнул. А зачем понесло к озеру Врана? Неужто *каменья* мажьи искать? Падок был ворон на дармовое богат-

ство! Ишь как вскочил, заторопился...

– Думаете, озеро нам поможет? – это Бабник сорвался, спросил Дарителя. Не могут Светлые долго молчать!

– Вымыться хочу, настоятель, – голос у Гонта был сухой, с надломом, и улыбку он натянул такую, что кожа едва не трескалась.

– Вам бы исповедаться, Дар! – очень тихо предложил Истерро, так, что Викард еле расслышал. – Любую боль облегчает молитва.

– Кроме вашей? – съехидничал гнусный малец, спрятал за насмешкой открытую рану, к которой пристроился Бабник.

– Мою тоже, – не обиделся Светлый брат. – Без молитвы всё прочее утратит смысл. Если б я не верил, полковник, разве смог бы жить и дышать?

Альбин Вран слов напрасно не тратил, оборвав причитания и обидки, едва отдалился от лагеря. Шёл по сосновому бору мягко, едва шурша опавшей хвоей, неслышный за шелестом, хрустом и треском, поднятым товарищами по походу. Вран их слушал вполуха и крутил головой, будто силился разглядеть за кустами кого-то знакомого или опасного. Учуял Викарда, опытный мразь? Или кого иного? В одиночку охотится, негодяй?

Озеро Шести печалей оказалось невелико, плюнуть с берега на берег можно при желании и попутном ветре. Не особо чистое, муть да ил, лично Викард бы в него не полез и пить без нужды побрезговал. А опечаленные скукожились,

что сморчки, да потянули рубахи с портами. Совсем одурели, болезные!

Альбин Вран оказался мудрее. Палец в воду ткнул, призадумался. Взвесил печали на весах осторожности. И в глубину не полез.

Видно, печалей в нем скопилось на палец, но скорее учуял Вран, что водица стухла от сброшенных трупов. Мразь присел гадливо на берег, нос породистый, что воронов клюв, скривил, *рудный* меч положил на колени.

Надо же, дедов клинок прихватил! Не *руда* ли толкала мразя к воде?

Викард устроился хищным коршуном на макушке скрипучей сосны. На открытое место не сунулся, незачем. С рослой сосенки далече видать: и поле, взрытое камнепадом, и кругляшек озерца, и двоих дураков, рискнувших купаться в помоях. Вон стоят, сомневаются, мнутя, что девки. Зашли по колено, а дальше-то боязно, вдруг дурное притаилось под ряской?

Даритель первым шагнул в глубину, увлекая за собой монаха. Воин, полковник, гений стратегии. Кем ещё себя мнит в детских грёзах? Представил, герой, как вернётся в лагерь, испугавшись тухлой воды. Насмешки Стейси к себе примерил, ехидные присказки Тверка. Вот он где, настоящий страх для гордой и глупой души!

Истерро побрёл вслед по привычке, успел примириться Бабник, что вели его люди с мечами. Сделал пару шагов,

оступился, по уши окунулся в жижу, забарахтался, баламутя ил. И заорал во всю мощь светлой глотки.

Потому как всплыли из липкой топи, в пузырях ядовитого газа, не один труп и даже не два. Всплыли несчётно, как по команде: белые, тухлые, рассечённые шрамами, изъеденные водяным червём. Воины и сиволапые, купчишки, дровосеки, девки дурные, прибежавшие от любви топиться. На добрую хоругвь набиралось, но тут уж Берсерк не стал пересчитывать. Потому как Бабник завопил пуще прежнего, уже не от страха, от боли, рванул прочь, а уйти не сумел.

Закричал, забарахтался в ловушке Даритель, но Вран не зря морщил нос над водицей, мигом скатился вниз, ударил *рудой* наотмашь, полосуюя поганое озеро. То завизжало пронзительно, тонко, аж кровь из ушей потекла. А Бабник всё мучился, бился, всё соскальзывал в скопление пузырей.

Ну да Викард был уже рядом.

Он успел подскочить, прыгнул Врану на плечи, оттолкнулся и плюхнулся рядом с Истерро, обрубая жгучие нити, белёсые, что жабья слизь, оплетавшие ноги Бабника.

– Для чего тебе кинжал, мразь недоделанный? – пристукнул Светлого по щекам, легонечко, приводя в сознание. – На закорки ко мне взбирайся, друже! Вран, тащи на берег Дарителя!

Альбин Вран в приказаниях не нуждался. Знай лупил по воде *рудным* мечом, отсекая стрекала и щупальца. Отпихивал в сторону мертвецов, норотивших уцепить за одежду. А

те лезли вспученными боками, торопились взять мразей в кольцо, пялились бельмами в самую душу, пальцы скрюченные тянули.

Ай да Бабник! Ай молодец! Сыскал-таки, чем потешить друга!

– У всякой красивой легенды есть вонючее исподнее на самом дне! – поведал Вран повеселевшему варвару.

А Викард и не спорил, зачем? Слова – мусор, одна лишь *руда* права. Руби, коли, очищай от печалей. Вон их сколько из озера лезет, ядовитые, шипастые, ненасытные! Тут не шесть, тут по дюжине каждому, кушайте, не обляпайтесь!

Ох, несладко бы им пришлось, но тут и Стейси Ван-Свитт подскочил, и Даждьбор, и древоид Тверк на бегу метнул стрелы в зловонный пузырь, вздувшийся посередине бурой жижи. Братко *камушки* растёр, заискрил ногтями... Так что танец иной начался, задорный, с прихлопами и притопами.

Вместе вынули страдальцев из озера: вот уж воистину очищение, за Калиткой печалей нет. Те ободранные, окровавленные, изрезанные острыми нитями, идущими от пузырей, но живые, черти, живые! Аж от сердца отлегло, до того хорошо! Орут, катаются по земле, колотят руками-ногами. Праздник!

Стейси опознал в твари иггота, и откуда тут взялся шестиног ядовитый? Ну дак мрази – народ любознательный, рады всякой мерзостной гадине. За щупальца её да вращающую, чтоб неповадно монахов утаскивать. А братко *кремнёвым*

пламенем шварк. Снова визг и писк, и новые трупы, упущенные запасливой тварью. Страшно. До глумливого хохота. До полоумных причитаний Ван-Свитта, до восторженных ругательств древоида.

– Щупальца у него съедобные! – поделился всезнающий Стейси, воздев вверх поучающий палец. – Хорошо в углях запекать, милсдари, предварительно размягчив о камень.

– Ну-ка, мрази, подсушим гада! А потом отобьём, раз положено.

– Воистину так! – заокал Даждьбор. – Наконец-то пожрём от пуза!

На поляне кого-то обильно вырвало, должно быть, чувствительный Бабник расстался с остатками каши. Эх, светлого кормить, что провизию выкинуть!

Вот братко с душой подступил: смекнул, что добыча наметилась знатная, и жарит игготу стрекучую бороду. Коняга его, огнедышащий Дэйв, тоже трудится, припекает сверху. Пахнет не то чтобы аппетитно, но едой, мрази, едой!

– Вот вам и озеро Шести печалей, – подвёл черту Альбин Вран, разрубая мечом хитиновый панцирь, защищавший мясистое тельце иггота. – Вот вам и шесть мажых *камней*. Приманка для простачков.

Даритель, пожжённый стрекалами, скривился, будто щупальцем вдарили, но смолчал, лишь запыхал от злобы. Или от боли, поди разбери!

Истерро и спорить не стал. Эх! Раньше бы сотня вопро-

сов да полсотни оправданий в придачу. Тихий стал, скучный, душой переломанный. Иногда Викарду казалось: подменили Белого Бабника, так, одну оболочку оставили. За это хотелось поднять Нахара и убить негодяя заново.

Истерро уже пытался лечить, Гонта ли, Викарда, Врана, без разницы. Его били по простёртым рукам и обмазывали травяной кашцей, что разжёвывал ехидный Тверк, насобиравший по кустам всякой дряни целебной.

– Хорошее озеро, – смирился Бабник, подчинился приказу учителя. – Я не знаю, как Дару, а мне полегчало.

– Вывернуло тебя, – не купился Ван-Свитт. – Оттого и лёгкость в желудке. Но коли веруешь, веруй. Вдруг и вправду проснёшься, красавица?

Стейси кривлялся, а Викард учуял, как отходит в сторону тень Сольбери, будто с щупальцами-стрекалами отпали и тонкие нити, что держали Эльфика на поводке, накрепко примотав к Истерро. Где-то рядом улыбался рыцарь Гварк, наконец-то свободный и лёгкий. И Викарду хотелось помахать им рукой, не приветливо, а чтоб торопились, чтоб убивались, наконец, к Калитке, пока Бабник не спохватился.

Но Сольбери медлил, тупил. Смотрел то на Бабника, то на Врана с Дарителем. То на Эрея Тёмного. Силился знак подать, а не мог. Лишь морщился и крутил головой, цеплялся за лоскут зримого мира.

В предзатменных сумерках пахло листвой, прелой, осенней, влажной.

Эрей, оттирая посох от слизи, не глядя на тень, кивнул. Бессознательно щёлкнул пальцами.

Что-то понял, братко, на что-то решился.

И тень Сольбери растаяла, языком тумана потянулась к Мельтам, затерялась в отрогах гор.

Эрей окликнул целькона. Вместе с огнедышащей тварью запалил гнильё в чаше озера, выпаривая дурную воду. И вскоре от озера Шести печалей осталась лишь вонючая яма с кусками разложившихся трупов.

Измученный Истерро не помнил, как его дотащили до лагеря. Будто не было дороги по лесу, моргнул – и уже на поляне, жмётся спиной к сосне. Голова кружилась, во рту было сухо, усталость пригибала к земле, а спать – не получалось, хоть плачь. Лишь закрывал глаза, как видел всплывающих мертвецов с синими протухшими бельмами. Липко от страха, потно. Тошно.

Мрази всю уплетали добычу, а Белого Бабника тянуло в кусты. Уж и нечем было пачкать траву, одна желчь выходила горлом, а не мог успокоиться и принять, что можно запросто съесть такое!

Добрый Стейси со старческим чмоканьем доверительно поведал монаху, что игготы свежак не кушают, ловят простаков и тащат на дно, где вымачивают до загнивания. А пока тушка жертвы томится, питаются чистой энергией, что есть в каждой твари разумной. Съедают душу, как сладкий пу-

динг, выпивают мечты, словно коктейль. Оттого их щупальца жирные, сочные, только шкуру разбить, грубовата...

Тут Истерро снова стошнило. И Эрей запретил кулинарные диспуты.

Но сам от иггота не отказался, охотно подставил миску. Ел, смаковал куски, причмокивал. Целькону шкурки кидал. Бог Единый! За что караешь?

Как тут забыться? Заснуть хоть на час?

– Вам только повод дай пострадать, – тихий голос Эрея заставил подпрыгнуть и сесть с колотящимся сердцем. – Пристрастился Свет к бичеваниям.

– Не спится? – спросил Истерро, борясь с невразумительной дрожью.

– С вами разве уснёшь? Я принёс отвар, пейте, Бабник. Только залпом, договорились?

Истерро сунул нос в кружку, закашлялся. Но смирился и проглотил, как просили, обжигая язык и нёбо. Его скрутило от горечи, скужило, выжало, будто салфетку. А когда вернулось дыхание, Тёмный всучил ржаной сухарь с куском солёного сала, явно из варварских тайных припасов.

– Ешьте. Вы потратили много Силы, отдали твари энергию.

– Я не смогу...

– Да бросьте! – равнодушно отмахнулся Эрей, отказываясь проникаться сочувствием. – Всё вы можете, Бабник, просто любите ныть. Постарайтесь уйти в Океан.

– Пробовал, – вздохнул Истерро, даже руки воздел к небесам, словно хвастался поднесённым салом. – Не получается у меня.

– Даже так? Уже интереснее. Я думал, Океан отдалился, потому что близко Руда. Но с вами-то этой проблемы нет.

– Почему? – от удивления Бабник безотчётно куснул сухарь и вдруг осознал, что голоден. Так сильно и дико, что забыл про иггота!

– Потому что вы Светлый, – выгнул бровь Эрей. – Единый Бог, дай терпения. Истерро, вас питают *руды*! Столько лет жили, не чуя Силы, не зная её истинной мощи. А потом связались со мной, с Викардом, с мразями, увешанными *серебром*. Ваша Сила проснулась, Бабник, оттого, что кругом *руда*.

Монах взял у мага второй сухарь, вдумчиво сгрыз, облизал пальцы. Половину звёздного круга назад подобный жест вызвал бы обморок, а теперь даже в голову не зашло, как он выглядит со стороны, хорошо ли уложены волосы и красивы ли складки походной рубахи. Пообтрепался Глас Рудознатца, растерял ритуалы Света.

А что обрёл? Реальную Силу? Неужели советник прав и светлая Сила приросла от *руды*? То, что Истерро сладил с войском Нахара, свершилось лишь оттого, что стоял он на поле брани?

Издравле Светлые жезлы напоминали кинжалы. Откуда пошёл этот странный обычай в миролюбивой Венниссе, не

знали даже верховные Братья, допущенные к тайным знаниям. Как просто объяснилась загадка! Изначально жезлы и были кинжалами, сделанными из чистой *руды*. Без *каменьев* и иных украшений. *Серебро* и *железо*, алая *медь* – вот что питало первородных магов. А любимое ныне *золото* слабо, застит взгляд, подменяя церемонией веру. Отрекшись от *руд*, Свет утратил Силу, отказавшись от битвы – утратил право.

– А ведь Пастыря все зовут Рудознатцем...

Эрей встал, прогулялся к костру. Черпнул из котелка с травяным чаем. Снова уселся рядом с Истерро. Долго нюхал содержимое кружки, как показалось Белому Бабнику, украдкой от мразёвской дружины. Движением бровей позвал Викарда.

Берсерк подскочил, будто ждал сигнала. Для виду прихватил мешок с сухарями, чему Истерро порадовался и снова захрустел ржаной корочкой.

– Туго тебе? – спросил великан, пристроившись рядом с монахом и скрестив, по обыкновению, ноги.

– Бывало лучше, – согласился Эрей. – А ты можешь уйти в Океан?

– Тяжко даётся, – признался Викард. – То ли Мельты близко, то ли мир сломался. То ли кровью я пропитался насквозь.

– Или травят нас потихоньку, – прикрывшись рукой, поделился маг. – Что в чае, Викард, распознаешь?

Инь-чианин забрал у побратима кружку. Понюхал, хлебнул, удержал за щекой. Дёрнул кадыком:

– Брусничный лист, корень бадана, бежава. Есть что-то ещё, пахнет чудно, но дух бежавы всё забивает.

– Мяту кто-то принёс с собой, – Истерро не усидел в стороне, тоже пригубил тёплый взвар. – В Семи Княжествах мята, или бежава, отчего-то редко растёт. И уж конечно не в сосновом бору.

– Есть грибы, – улыбнулся довольный варвар, делая новый глоток и смакуя чайное варево, как иные букетом вина наслаждаются. – Чагу Дажьбор подкинул, все вики на чаге повернутые.

– Грибы я учуял. И чагу. Думай, Святогор, есть ещё компонент.

Викард ополовинил кружку, покатал содержимое за зубами, сплюнул в сторонку и сморщился.

Инь-чианьский способ мышления вызвал у Истерро улыбку, такую лёгкую, ненатужную, что монах от неожиданности рассмеялся.

Варвар засмеялся в ответ и вдруг замер:

– Ух ты, братко! Ты ж сам смекнул, только верить не хочешь, да?

– Мельчитор? – осторожно спросил Эрей.

– Как? – подскочил Истерро. Но его одёрнули в четыре руки, усадили обратно на землю, силой впарили новый сухарь, чтоб отвлётся и не орал зазря. Монах на сухарь не купился: – Демоново семя? Откуда?

– Оттуда, – гнусно ухмыльнулся Берсерк. – Есть местеч-

ко недалеко от Венниссы. Говорят, там поля колосятся под ветром.

Белый Бабник прикрыл глаза. Для верности зажал рот руками. Мельчитор рос только в Гарите, загадочной клетке демонов. Галлюциноген и дурман, мельчитор славился тем, что отдалял Высшую Сферу.

– Сам буду кашеварить, – Викард прибавил такое ругательство, что Истерро оставил в покое рот и зажал ладонями уши. – Это ж надо! Мразей травить!

– Где-то поблизости демон?

– Истерро, молчите, ради Единого! Не всякую мысль нужно озвучивать.

– Пробовать варево буду сам. И траву возьму из своих припасов! – не мог успокоиться инь-чианин.

Эрей шевельнул плечом и, как показалось Истерро, решил не есть и не пить из котла.

– А кто сунется помогать, будет бит, – подытожил грандиозный план действий Викард.

Эрей ткнул посохом побратима. Чтоб не шумел на весь лагерь, будоража раздобревших от сытости мразей.

Истерро вдруг почувствовал, что засыпает. Точно новая эта опасность довершила начатое на озере. Стало легче дышать. Стало проще жить. Потому что вновь приходилось бороться за эти простые действия.

Станный из него получился Светлый, взвесь сомнений и противоречий. Пока умоляли, лечили, не хотел жить в мире,

где правит оружие. А вот стали отнимать – другое дело. Как это – отдай? Самому пригодится! Светлый Жадина, вот он кто.

– Вроде попустило святошу?

– Пожалуй, – услышал Истерро, опрокидываясь в жухлую хвою. – Поклянись мне в одном, побратим. Когда нас прижмут всерьёз, не меня побежишь выручать. Ты вытащишь Белого Бабника. Всем пожертвуешь, а его спасёшь...

Поклялся ли варвар в подобной глупости, Истерро уже не разобрал. Он спал и впервые за долгое время не видел во сне Сольбери. Как жаль, – лишь скользило по кромке сознания, – Эльфик ведь знал, он знал...

Культ Птицы, Эттиввы и Четырёх хранителей

Нашим миром правят *камни* и *руды*, созданные Единым Богом. В этом основа религии Кару, хранимая Белым Братством.

Но случаются и забавные ереси, о которых стоит упомянуть.

Культ Птицы – наиболее безобидная и близкая к канону секта. Птицепоклонники почитают Перо, обронённое Эйсвиэрь. Только не то, что осветило мир. И не давшее имя далёкой звезде. А некое третье перо, утраченное священной Птицей, поиску которого посвящают жизнь, считая Перо загадкой Сущего, куда более важной, чем *камни* и *руды*.

Значимы для них и другие перья, ибо без света первого не было бы Капли Мира и не взошли бы семена Разумного, что засеяли Боги.

Эта ересь не противоречит канону, но в прошлом случались кровавые стычки между птицепоклонниками и единоверами. А поскольку культ Птицы был малочисленным, сектанты предпочитали селиться в отдалении от прочих людей, строя храмы – воистину причудливой формы! – в окружении священных рощ.

Невозможно доподлинно выяснить, как появился культ Хранителей, но он, как и культ Эттиввы, родился после Второй войны.

Потому что если в довоенные годы единственным хранителем был Рудознавец, после разорения Хайта и переноса Камня в Венниссу вдруг появились иные Хранители, Четверо, по сторонам светотени. Якобы Камень запрятан глубоко в подземельях Венниссы, и его денно и нощно охраняют Четыре воина, лучших ратника Хви́ро. Чем питаются эти воители, замурованные в подземельях, где справляют иные потребности, об этом учения культа молчат. Зато красочно предупреждают, что если убить Четырёх, то проснётся кровавая память Камня, и все ужасы Второй войны снова ворвутся в мир.

Эта странная секта держится гор, постоянно вырезая в скалах статуи: Четыре фигуры, плечом к плечу, с трудно различимыми лицами. Разумеется, всех новых сектантов уверяют, что статуи возникли сами, а лица обретают черты последних хранителей Камня.

Сходный культ есть у Вождя, словно в насмешку над светотенью названного святым. Культ Эттиввы-Разрушителя самый страшный, ибо варвары истово верят, что великий Вождь не погиб, не развеян по ветру без покаяния, без права шагнуть в Калитку за свои преступления! Но заточён в Камне Мира и вернётся в срок, нужно лишь взять артефакт и поместить в ладонь статуи, открыть Книгу ключом и про-

честь зачать.

Надеюсь, этого не случится, во веки веков да будет так!

Муэдсинт Э'Фергорт О Ля Ласто
«Суть Вещей». Ереси и заблуждения

2. Опустевшее русло

Наутро, с трудом продвигаясь по остаткам древнего тракта, ведущего из Семи Княжеств в Олету, небольшой отряд во главе с Эреем выбрался на обширное плато Сейратт. И ужаснулся открывшимся видам.

Богатое полями, садами, озёрами и речушками плато превратилось в каменный склеп. Здесь Мельтские горы пострадали сильнее, три вершины хребта будто срезало неведомой миру секирой, и они обрушились вниз, в долину, снося невысокие кряжи, а те, в свою очередь, ломали крепости, отстроенные под их защитой, и уничтожали деревни. Такова была сила удара, что обвалы докатились до самого Алера, перекрывая старое русло, и на месте его слияния с торопливой речушкой Вель теперь высились скалы, ломкие, шаткие, острые, словно пики. Вель разливалась широким озером, затопляя всё, что пощадил камнепад, с трудом торила путь сквозь обвал. Что до Алера, гордый поток не стал биться в каменные препоны, он нашёл иную дорогу, устремившись в Олету.

Чтобы взобраться на новый кряж, лошадей пришлось оставить внизу. Лишь Дэйв, перескакивая по уступам, помогая себе, где нужно, крыльями, легко одолел преграду. Целькон застыл, точно сам был каменным, на одной из непрочных вершин. Эрей спешил, помог слезть Истерро, которо-

го взял с собой. Через полчаса их нагнали варвары: Викард и Даждьбор припозднились, развлекаясь прыжками по скалам и затеяв в воздухе потасовку – отраду скупающих душ.

– Эка накрыло! – поразился Викард, с восторгом вглядевшись в пейзаж.

Истерро махнул на него рукой: вот уже полчаса он молчал, жалко моргал и морщился от открывшихся взору бедствий.

Лишний раз пришлось убедиться Бабнику, сколь легко отделался Гаронобль, в разрушении которого винили Эрея. Трещина на улице, постройки в Заречье. Пустяки, заусенец на пальце.

С высоты обвала он видел раздавленные деревни, скрытые поля и сады, руины крепостей и торговых селищ. Вельга, столица Олеты, была придавлена обломками Мельт.

– На Ю-Чинь посмотрите, – предложил Эрей.

Все дружно повернули головы.

Их догоняла война. По отстроеным заново переправам шли через Алер полки: вились хоругви, пестрели баннеры со знаками именитых рыцарей Сельты. Грозная страна не прощала обид. Заключив союз с Императором, селты спешили добить Олету и добраться до ставки захватчика. Даже князю Элжану Дор-Файну и Варту Даго-и-Нору сделалось ясно после пыток кочевников, что управлял ими не Нахар, восставший из могилы полководец древности, а бывший союзник в боях с Ферро. Принц Линар был ославлен в Сельте и проклят во веки веков духовенством. Рождённые для смер-

ти шли мстить, торопились окропить вражьей кровью истерзанные поля и селища, доломать, что уцелело в Олете после трясения тверди земной.

– Говорил я Раду: не ходи в Олету! Довольно войны и смерти. Но кто же слушает мага Камней? – покачал головой Эрей. – Нужно спешить, побратим.

– А как спешить-то? – окрысился Тверк, закидывая на гребень тючок с провизией. – Эти вон на конях да галопом, знай, погоняют, нахлёстывают. А наших болезных лошадок по камушкам не протащить. И росскую тропку сквозь Мельты, как я погляжу, присыпало.

– Охохох, – запричитал Стейси, вместе с Враном втаскивая наверх Дарителя. – Молодой, да тяжкий, спину сорвёшь! Этим вражинам, – кивок на варваров, – только бахвалиться силушкой, толку с неё, что голубь нагадил. Вот стогнали бы за лошадками да перекинули через обвал.

– А на кой? – урезонил Тверк, уже осмотревший ландшафт. – Там с копытными морока одна, лодочку бы али плот, да по малой воде в старом русле Алера сплавиться потихоньку.

– По уму, – отщёр пот Альбин Вран, – к сканванскому распадку надо вернуться. Пересечь Мельты и по Итеру спуститься к пролomu в Мельтском хребте. А оттуда обратно в Межгорье, к озеру Пак-Йолли наведаться.

– Пак-Йоллин, – рассеянно поправил Истерро, глядяваясь в зыбкий абрис, обозначивший Пустотный хребет возле

самого горизонта. – На древних картах этот водоём называют озером Пак-Йоллин.

Кто-то – Истерро не разобрал – ойкнул за его спиной.

– На мажьих картах, может, и так, – поправил монаха Викард, и что-то в голосе великана заставило Бабника оглянуться. – А мы по-простому привыкли, по-варварски.

Тверк и Стейси держали Даждьбора, не всерьёз, обозначив намерение защищать неразумного светлого, так посмурнел ликом сын кузнеца. Даже Эрей приготовил посох, не таясь, отвел руку в сторону.

– Задолбался я с тобой, ученик! – укорил древоид монаха. – Язык светлого – что помело, метёт и метёт всякий мусор словесный. И с разумом связь не держит. Ну, прочёл на какой-то бумажке, может, кто перепутал по пьяне, лишнюю буковку приписал. Нет, давай нас, грешных, учить. Как же, светлые – хранители знания! Просветители, упаси Господь!

– Они только хранят, – захихикал Стейси. – А читать им запрещено! Наш-то светоч на том и сгорел, что оказался любопытен сверх меры. Только, видишь ли, Белый Бабник, не всякая карта – истина. Водоём, как ты выражаешься, святыня всего Инь-Чианя, место поклонения и очищения. Ибо глубок сей колодезь, чуть ли не проход на Тёмную сторону. По той же причине и тёмные маги решили прибрать озерцо к рукам. Буковку к назвищу прикрутили, чтоб заклятья звучали краше. Обряды мажьи стали творить, выбираясь тайком из Аргоссы. Всем известно, что Инь-Чиань с незапамятных

времен ходит под Тенью, а едино не стерпели варвары поругания святой воды.

– Кратче, – Викард оборвал Ван-Свитта и оглянулся на побратима. – Озеро наше, гардское. Так, братко?

– Да за ради Единого! – отмахнулся Эрей, не повернув головы и продолжив наблюдать за Дажьбором. – Столько глупостей из-за лишней буквы. Вот что. Мне нравится план древоида. Спустимся и посмотрим русло. Если можно плыть, построим плот. А лошадей придётся оставить.

– Эльфа тоже? – ужаснулся Истерро. – Жеребца Сольбери бросим в лесу?

– Не привязывайся к скотине! – вновь разозлился древоид, даже стукнуть попытался от щедрот души. – Нам твои сопли по сивой кобыле погребальными кострами аукнулись!

– Грабли убери, – взъярился Викард, – куда прёшь, сволота древесная! Братко, я мыслю так: Алер усох, а пойма осталась, до новых завалов можно скакать. И во-он там, углядел? – деревенька. Сунемся, вдруг уцелела конюшня? Сена запас отыщем, укроем лошадок, сгодятся ещё. Лодки изымем у рыбарей.

– Опять же, провизия там по подвалам, – поддержал идею Дажьбор, раздумав бить светлому морду. – А скотину мы перетащим, сдюжим. Это ж не Дарителя наверх тягать!

Все тишком посмеялись над юным полковником, в гневе надувшимся, что твой индюк, и пока Эрей Тёмный размышлял о маршруте, приладили верёвки к камням, размечая тро-

пы для спуска.

– Маршал! – не утерпел Даритель. – Почему мы таимся, как воры? Почему не идём с Императором?

Эрей не стал отвечать, мрази снова захекали в кулаки. А Истерро почудилось, что юноша прав: им проще идти вместе с войском. Пусть монаха ломала война, он готов был ради друзей терпеть её беззаконие. Лишь бы знать, что магу и варвару не угрожают новые беды. Лишь бы не слышать ночами: когда нас всерьёз прижмут... не меня спасай, побратим! И всё же, хоть Тверк и ругался, Истерро успел научиться многому. Потому не принял сторону Гонта, хотя этого ждали и Дар, и Эрей. И Тверк, глотнувший побольше воздуха. Если маг ведёт их в Межгорье и надеется обогнать Императора, значит, нужно идти за ним. Без вопросов.

– Лучше держаться руслу, – указал древоид, не дождавшись диспута, столь любимого светлыми. – Алер выведет, не обманет. Он виновник всех этих бедствий, по его воде прошёл главный удар. Тронул Мельтский хребет, разрушил Сельту, по альтавским каналам перекинулся в Налву.

– И всё же, – не мог успокоиться Гонт, с надеждой поглядывая на монаха.

Но Эрей смолчал. Как всегда. Бабник проследил за взглядом мага...

Резко закружилась голова. Он словно очнулся в Дошорских горах, встал в кровавом луче на перевале Льетт и высматривал Средний мост, где бился полковник де Борг. На

краткий наивный миг показалось, что смерть отступила, что всё впереди, и можно исправить ошибки, увиденные в беспамятстве. Он предоставит де Борга судьбе, его хвалёной удаче воина, и Сольбери не поскачет в проклятый лес, и Гварк не умрёт, защищая друга...

Викард успел, подхватил монаха, за ворот втащил обратно на кряж. Тверк захлопал его по щекам, не скрывая садистского удовольствия. Стейси взялся окуривать травами, причитая о слабой натуре светлости. Монах заплакал от дыма, но больше от горькой обиды на то, что чудо поманило и сгнуло, оставив на сердце отметину.

Но чудо творилось здесь и сейчас.

Тёмный маг смотрел на Пустотные горы, и они становились ближе. Таяла дымка, сминался ландшафт, будто кто-то закинул прочный канат, закрепил петлей на реальности и стягивал кости мира, пытаясь залечить перелом. Вдруг видна стала древняя башня, еле приметная среди камней, и на верхнем зубце стояла девушка, разведя в стороны руки-крылья. Ветер трепал смоляные пряди длинных густых волос, полоскал и путал в своё удовольствие, а плащ из рыси скрутил жгутом, обнажив беломраморные предплечья. Жрица протягивала ладони к Эрею, и он поднял руку в ответ, связанный нитью общей судьбы, нерушимой и проклятой.

– Время на исходе! – манила жрица.

Маг мёртво улыбнулся в ответ. Он торопился, не мог иначе.

Лайна Фе спрыгнула вниз.

– Что? – облизнулся на неё Лир-де-Стэг. – Шутка с озером не удалась?

– Ну почему, всем понравилась, кушали с аппетитом, – отмахнулась от прилипалы ведьма. – Впереди ещё много сюрпризов, чтобы развлечь мразёвский эскорт.

– Смотрю, ты затейница, каких поискать! – вкрадчиво прошептал Лир-де-Стэг, касаясь губами уха Лайны. – Ждёшь в гости Эрея Тёмного? Он как ледышка, царевна, вряд ли согреет в постели. Разве что в жертву тебя принесёт!

– Лир, отстань, – засмеялась Лайна. – Полагаешь, същется дура, что рискнёт соблазнить тёмного мага? Советник – подарок хозяину. Обвяжу его бантиком для красоты, а обёртка почти готова. Мне интересней монах: изящный, начитанный, глаза-изумруды!

– Способен учуять Руду...

– И ради спасения друга, – Лайна вывернулась из объятий и ударила по рукам Семиуса, – Светлый брат притащит её дракону. Так что, Лир, сохраняй дистанцию. А то огорчу до икоты, отправят из замка к войскам на равнину!

Часовой с нижнего яруса крикнул, что наёмника Лира-де-Стэга требует к себе Инквизитор. Тот поморщился, поклонился жрице и поспешил со стены.

Лайна Фе довольно прищёлкнула пальцами и подошла к бойнице.

Сторожевая башня выступала из гранитной скалы и висела над чёрными ёлками, похожими сверху на копья пехоты. С Мельт тянулась серая морось, заставляя ёжиться жарким днем: облако сваливалось с хребта и ползло на Пустотные горы. Делалось влажно и парко.

Жрица тронула амулет на груди и прошептала с улыбкой:
– Время на исходе, мой тёмный рыцарь! Торопись на помощь царевне!

– Вельга в руинах! – доложил Жалви, полковник марёвской конницы. – В цитадели засел гарнизон и наскоро укрепляет стены. Армия Олеты оставила город и отходит к Юциню по левому берегу.

Конь под ним гарцевал, красовался, гордился отважным полковником. Даже старый Варт кхекал в усы, любуясь выправкой седока.

Марёвский полк успевал везде: и в разведке, и в обходных манёврах. Император, возглавив союзное войско, откровенно хвастал своей лёгкой конницей. Тяжёлым латникам Крода и Солвина пришлось уступить главенство знаменитым сельтским хоругвям. Зато пехота и лучники, да красавец Жалви с марёвцами вызывали у селтов скрытую зависть.

– Вам нужна Вельга, достойный маршал? – спросил Рад у старого Варта. – Полагаю, хватит полуполка для устрашения горожан и штурма треснувшей цитадели.

– Город пал, – удивился Эмберли. – Мы ведь солдаты,

отец, и не станем добивать погорельцев?

– Стяг Сельты взвьётся над цитаделью, – упрямо нахмурился Варт Даго-и-Нор. – Дозволь, государь, отрядить полуполк.

– Дозволяю, – легко согласился Рад. – Не люблю оставлять за спиной неприятеля, – и добавил, повысив голос, перекрикивая недовольство полковников: – Вельга – сельтский приз, господа. Контрибуция за разорение края.

– Интересно, куда отступает армия, – вновь подал голос Эмберли. – Ниже по левому берегу встают стеной Пустотные горы, там нет пригодных перевалов в Межгорье. Я бы пытался уйти сквозь болота и вывел войска по старому руслу. Но, возможно, ольты торопятся к морю?

– Не думаю, – покачал головой Император. – Взгляните на Вельгу, Эм. И представьте, что делается в Межгорье, куда обрушились Мельты. А теперь посмотрите, как широко в этом месте разлился Алер: лишь безумец станет наводить переправы. Вот ниже по течению можно рискнуть. Я бы так сделал, а вы? Выстроил мосты над расщелиной и перевёл войско к Рудным горам. А оттуда перевалами в Хвиरो. На нетронутые катастрофой поля, в вотчину Линара – Антанну. Брат захочет отбить эти земли, уверен!

– Жаль, что Дар Гонт не с нами, – в который раз за поход посетовал Эмберли Даго-и-Нор. – Он бы увидел правильный путь.

– Недосуг нам турниры устраивать, – привычно отшутил-

ся над сыном Варт. – Заскучал? Так бери полуполк и штурмуй столицу Олеты.

Эмберли отмахнул рукой и невольно взглянул на пурпурный шатёр в стороне от главного лагеря.

Рад усмехнулся в усы и кивнул молодому витязю. Не было скучно Эмберли, не о недруге тосковал отважный Даго. Не хватало ему чутья Дара Гонта, способности обернуть поражение победой. Не доставало, как ни странно, союзника, точно один лишь Даритель мог разделить беспокойство Эма.

– Думаете, там ловушка, рыцарь? – вполголоса спросил Император, так, чтобы Варт не услышал.

Эм снова оглянулся на пурпурный шатёр, притянул походную карту:

– Ближе к Юцинию сходятся Пустотные и Рудные горы. А в новое русло Алера вливается речка Руденка. Там нас будут ждать, государь. Займут высоты, выставят лучников и будут стрелять навесными. Катапульти заташат в предгорья. Нельзя брать с собой государыню!

Теперь и Рад посмотрел на шатёр, в котором укрылась от зноя Рандира. Жена передвигалась всё медленней, всё неохотнее садилась в седло. Даже Ральт Рванный Щит смотрел с укоризной и бурчал, что негоже тащить на войну готовую разродиться бабу. А коли Радислав страшится оставить свою ненаглядную в Хвиро, пусть отошлёт государыню в Сканву. В родном тереме да под приглядом отца, да под крылом благословенных Мельт ничего дурного с ней не слу-

чится. Дождётся Императора из славной сечи да родит в назначенный срок!

Если бы рядом был Эрей Тёмный, Рад отпустил бы жену за Мельты. Под опекающей дланью советника. Но Эрей избрал путь в Межгорье, и Император не удерживал мага. У него свои тропы, тёмные, тайные, и коли нужен в пути Даритель, и Истерро, и шумный Викард, пусть шагает, куда ведёт разум и полумёртвое сердце. А советы... Достали советы! То не делай, туда не ходи. А как не идти в Олету, если рвётся мстить сельтское войско, а ведь это земли Империи, и Рад здесь закон и власть!

Он склонился над картой, поманил Эма, отвлекая от шатра государыни:

– Вот здесь ольты выстроят мост. Напротив перевала Скрон. В Рудных горах возвели три замка, именуемые также Зубами Дракона, в каждом баллисты и катапульты. Мы же разделим войско и переправимся ближе к Руденке. Присмотрите людей, Даго-и-Нор, решите, с кем пойдёте за славой. Из своих полков выделю горхарров, эти просто звери в горах. И марёвцев: в стычке лоб в лоб от лёгкой конницы мало проку, зато пригодятся на горных тропах. Отпущу, коль попросите, два копия лучников. Выбейте зубы дракону, Даго, ради той, что одарила вас лентой, и встречайте трусливых ольтов на правом берегу Алера!

Даго-и-Нор улыбнулся, словно солнце выглянуло из-за туч:

– За Рандиру и священную Сельту! – рыцарь звякнул шпорами, поклонился и заспешил к отцу, изучающему руины Вельги.

Как мало нужно герою, чтоб вдохновиться на подвиги.

Рад довольно поскрёб в бороде. Нет, нельзя отпускать Рандиру. Даже спасая нерождённого сына. Пока государыня с войском, с ней останутся сканванские варвары – послушники Скалистого острова. Сельта волей влюблённого Эмберли будет тиха и покорна. А совместный поход против Линара, предателя и захватчика, сделает Сельту ручной вернее любого турнира!

«Эмберли прав, – услышал он голос, давно захвативший разум. В юности Император даже бился головой о колонны, чтобы заставить умолкнуть советника. Голова трещала, колонны тоже, только голос упорно читал нотации. – Ты рискуешь женой и сыном ради военной выгоды. Ты снова ставишь победу в битве превыше любви и чести!»

Государь повернулся к Мельтам, словно выискивал тропку, по которой крался Эрей во главе небольшого отряда. Скрестил руки на груди, нахмурился.

– Занимайся своей судьбой, – прошептал он, кусая губы. – Ты придумал скверный манёвр и ведёшь на гибель лучших бойцов. А я следую твоему совету: доверяю себе одному. Лишь я способен уберечь жену и наследника светотени!

Отряд потерял полдня, пока богатыри инь-чиане таскали

лошадей через обвал. Целькон помогал по мере сил: к его лапам животину крепили ремнями, чтоб не попортить шкуру копытных, как упорно обзывал лошадок древоид. Дэйв тащил их, как баранов с полей, крупных, жирных, откормленных, надрывал кожистые крылья. Пару перенёс и ушёл отдыхать, всем видом намекая Истерро, приставшего со светлой волшбой, что чует разницу на нюх и на вкус, как бы маг не светил глазами. И баранами после охоты привык обедать в своё удовольствие. А тут седмицу на пыльной траве. Так что сам поработай, пресветлый маг!

Упревшие от натуги варвары, перекинув ещё пяток лошадей, тоже затребовали каши в награду. Тверк посоветовал травы пожевать и закусить корой, как и положено выючным животным. В отместку ему прилетело в голову десятком смолистых шишек.

Серьёзной разборкой с древоидом благородные инь-чаи не побрезговали, хотя тот шипел и бранился, и зыркал глазами из-под мшистых волос. Вместо драки Викард и Даждьбор прихватили котелок от кострища и кинулись взапуски к Алеру.

– Зажигай, тварь крылатая! – летело над берегом. – Сам сварю кашу! И съем её сам! С другом разве что заделюсь.

– Добрый план, вождь, – заокал Даждьбор, награждая Викарда тычком под рёбра. – Любо-дорого слушать.

Стейси проводил их ревнивым взором, задумчиво почесался кинжалом:

– Эти дети природы всё и вправду сожрут. Слышь, зелёный, чего разлёгся, твоя очередь кашеварить!

Тверк ощерился и на Стейси, кинул взгляд на любимый лук, пристроенный на сосновом сучке, словно зарубку на памяти сделал. Не любил, когда обзывали зелёным.

– Нервный стал, – огорчился монах, – что его так припекло?

Эрей двинул плечом, но пояснил:

– Руда всё ближе, Истерро.

Воды в старом русле осталось, что слёз у мага Камней. Викард с Дажьбором бродили по пойме, выискивая пригодную яму, чтоб сполоснуться от нечистот, которыми их наградили лошадки. В первой луже нацедили воды, во второй отстирали одежду. А глубокой, чтоб окунуться, не нашлось для богатырей.

– Вот ведь напасть, – огорчался Дажьбор. – Ох, могучая речка была, ох, изранило земную твердь! Где они тут сплавляться хотели?

– Не кручинься, друже! – убеждал Викард. – Дале к Юциню рек в избытке, спускаются с вольных Мельт. Им до нового русла нет дела, впадают в старый Алер. Но Пак-Йолли обмелеет, как мыслишь? Не приведи Эттивва!

Варвары переглянулись и защитились Единой чертой.

Разное сказывали про Пак-Йолли. Глубоко было озеро, точно древняя штольня, ведущая на Тёмную сторону, и дна

его не достигали даже опытные ныряльщики. Даже Эттивва страшился озера и наказал его охранять! Что скрывалось на илистом дне? Какие твари водились в глубинах? Изредка бирюзовую гладь взрезал крутой водоворот, и горе тем рыбакам, что закидывали невод али удилище, не отпускало их озеро, втягивало в зелёный ад. Разве что одёжу прибывало к берегу, лён да кожаные ремни, целые, без отметин зубов. Но главное, без хозяина.

А теперь, когда измельчал Алер и иначе прошло его русло, что станется с колдовским колодцем, чья чаша наполнялась от щедрот реки? Кто полезет оттуда наружу? Любопытно до азартной дрожи!

– О, смотри-ка! – встрепенулся Викард. – Кто-то полощется в ерике!

Инь-чиане подобрались, изготовились к бою. Подкрались к ерику с разных сторон. Дажьбор расхохотался первым:

– Омут тут был, друже гард! Водица ушла...

– А рыба осталась! – возрадовался и Берсерк. – Ну-ка, где наши плащи? Не жалея, связывай, яма глубокая. Ох, знатная выйдет ушица!

К разгоревшемуся костру инь-чианьские великаны притащили не только котёл с водой, но и тюк оглушённой рыбы. Остальные мрази повскакали с мест, кинулись за сушняком и глиной. Каждый знал пяток способов зажарить чешуйчатых, но Викард всем надавал по рукам. Сам нарвал лопухов и крапивы, прогулявшись по бережку, ибо мазать глиной доб-

рую рыбу – извращение дурного Ю-Чиня. По его приказу Истерро собирал брусники, разжился смородиновым листом, чтоб засунуть в потрошёные брюшки. Спорить с варваром никто не рискнул, но Тверк вызвался заострить рожны, чтобы зажарить рыбёшек, вертя над горячими угольками. Даже Даритель слегка ожил, трудился со всеми, колот дрова топориком, взятым у Тверка. А запах вскипевшей ушицы заморозил мразёвский отряд. Напади на дружину лесная нечисть, положили б в единый миг, без разбора и сожаления, лишь бы не мешала работать ложками.

– Рыбный день! – ликовал Стейси Ван-Свитт. – Ох, соколики, славно как! Нужно держаться реки, Темнейший, река не выдаст, прокормит. А печёных лещей можно впрок заготовить!

Объевшись до пофигизма, когда одолевает сытая лень, мрази расселись вокруг костерка. Пожурили Истерро за отсутствие лютни и принялись вздыхать да охать, хлопая друг друга по животам.

Лишь Дар Гонт устроился в корневище сосны, вглядываясь в правый берег, туда, где чудилась россыпь костров по разорённым степям Олеты, где Алер бунтовал в новом ложе, где выстраивал полки Император против предателя-брата.

– Зачем с нами пошёл? – подсел Викард, догрызая лакомую щучью голову. – Твоё место с войском Радислава, вприглядку ума набираться. Норич, опять же, славный воитель, вместе бы мстить за погибших братьев...

– Да тебе-то что? – взъелся полковник. – Набивай своё брюхо, а меня не тронь! Кто дал тебе право пытаться вопросами?

Викард сплюнул костью, всмотрелся с особым мразёвским прищуром, гадая: ударить сразу или чуток погодить.

– Извини, – почти сразу сломался Дар Гонт, в недавнем прошлом гордец и задира. – Решил, с вами сдохнуть проще.

Берсерк хмыкнул и снова занялся щукой, со смаком обсасывая плавнички:

– Дурак, – подытожил, как стрелу всадил. – В прежней личине ты был забавней. А сдохнуть в окружении мразей ой не скоро удастся.

– Но и жить так нельзя! – застонал Даритель. – Я же бросил Императора, почести, всё, что мог собрать на том поле... К ней поскакал, в замок Хентайн. Ну как же, полковник, победитель турнира! Побахвалиться захотел, глупец. Милина выходит во двор, встречает. А в глазах не равнодушие даже, там пустота, Берсерк! Да в советнике больше чувства, чем в этой... Кавалер ещё был у неё, какой-то расфуфыренный щёголь, я их спугнул ненароком...

– Молодость, – проворчал Викард. – Это ведь не порок, ю-чинянин. Это такая болезнь. Пройдёт! И любая боль, причинённая бабой, рано или поздно проходит, поверь.

– А твоя прошла? – отвернулся Дар Гонт, снова забыв оскорбиться.

– Да я как-то не парюсь, привык. Занозу вот тереблю ино-

гда, чтоб духом не зачерстветь. Ты пожуй, впереди путь далёкий, я тебе ущицы припас. Разбитое сердце – дурной советчик, с его глупостей не прокормишься.

– Вечно ты о жратве! То олени были, теперь уха...

– Я о главном, Даритель. Доставай ложку. И ешь, пока силой не начал кормить! Баба ему аппетит отбила, смотрите, какая фея!

Наутро собрались по первым лучам, едва сдвинулся пояс Ясаны. По надпойменной террасе скакалось легко, иногда спускались в усохшее русло, вели лошадей в поводу, удерживая от водопоя. Не всякая жижа в старицах годилась теперь для питья.

Дважды опытный Стейси Ван-Свитт останавливал мразёвский отряд, шёл вразвалку вдоль берега и засовывал руку во все дыры подряд. Викард уважил причуды Стейси, брёл рядом и подставлял котелок, громогласно сетуя, что его лапища в такую норку не лезет. Подле Берсерка топтался Вран, принимая добычу в потёртый плащ. Та шуршала и шкрябала по котелку, шевелила усами, цеплялась в края, вяло хватала за пальцы мучителей. Когда котелок наполнялся, его опорожняли в мешок из плаща. И вскоре Альбин тащил в узле сотни две полузадушенных раков, а Стейси жадничал, хватал про запас.

– Животина отсюда убёгла, милсдари, а этим куда ползти? – ликовал легендарный мразь. – Мы сироток соберём,

согреем да позабавимся вечерком.

– Пива бы! – размечтался Викард.

– Не гневи Единого, командир! – упрекнул инь-чинанина Вран. – Грех это. Спросят потом за излишки.

– И то верно, – сделал усилие Стейси и отвернулся от новых нор. – Просто жалко: впустую сдохнут!

Истерро заглянул в узел Альбина Врана, осенил себя Единой чертой и заявил, что подобную гадость в рот не сунет ни за какие молитвы. Мрази глядели с сочувствием, но уговаривать не спешили, даже Викард в кои веки смолчал, с хищной улыбкой щупая раков. Мол, и не надо, нам больше достанется!

К сумеркам добрались до деревни.

Казалось, трясение тверди и направленная Алером волна разрушений не тронули ни домов, ни кузни, ни общинных построек. Рыболовные сети сохли на рогатинах, корзины венчали плетни, разве что глиняная посуда побилась и теперь хрустела осколками под копытами лошадей. Мазанки треснули, но устояли, в ухоженных огородах что-то зеленело ботвой. А людей в деревне не оказалось. Даже трупов, хотя их искали тщательно, привыкли уже жечь костры, очищаясь от смрада и гнили.

– Лошадок нельзя тут хоронить! – приговорил Даждьбор.

– Зачем хоронить? – испугался Истерро. – Мы ведь просто спрятать хотели!

Викард лишь рукой отмахнул, с широченной улыбкой

проверяя ножи:

– Ох, интересная будет ночка! Лошадей скроем в кузне. И Бабника тоже. А сами посмотрим, кто в деревне обжился. Очень мне любопытно, что тут повылазило, братцы!

– А тебе всегда любопытно, – рассмеялся Тверк, раскупоривая бочонок у луки седла и доставая стрелы. Те были увязаны по две дюжины, и каждая сверкала *серебром* наконечника. Три пучка древоид засунул в колчан. Остальные снова упрятал в бочонок. Поймал заинтересованный взгляд монаха, пояснил неразумному ученику:

– Обойдусь и одним снопом. Но запас в нашем деле свят, уяснил?

Истерро кивнул и сморщился, будто ядовитый гриб проглотил. Вспомнился Алер, и павший де Борг, и он сам, стреляющий из малого лука по крадущимся серым теням. Нет, нельзя поминать тот день, лишивший монаха столь многого: друга, кобылы, чистых рук и души. Время пришло отпустить на волю и погибших товарищей, и себя самого.

Тверк почесал оперением лоб и раздумал злословить. Перестал отвлекаться на Бабника. Осмотрел придирчиво место охоты, выбрал удобное дерево. Миг – и он наверху, оценивает зону обстрела. Истерро лишь заморгал удивлённо.

А ещё через пару мгновений странная деревушка опять обезлюдела. Лишь откуда-то из-под крыши добротного общинного дома зашипел на монаха Стейси Ван-Свитт, требуя, чтобы тот не маялся дурию и убирался в кузню.

Белый брат сморщился ещё больше и побрёл, куда прика-
зали. В кузницу, к лошадям.

– Тут не то чтобы безопасно, – повёл носом Даждьбор,
стоя у остывшего горна. Инь-чианин по обыкновению окал и
тянул певучие гласные, превращая простецкую речь в герои-
ческое сказание, – но как-то спокойнее, чем в прочих домах.
Сиди тихо, Бабник, тут руды кругом, мёртвые, но и те отрада
для утратившей Силу души. Кузня – место святое, чистое,
сюда погань сунется в последний черёд!

«И всё-таки сунется, как ни крути, – с неудовольствием
подумал монах. – Вечно в правилах есть исключения!»

– Не гневайся, Бабник! – улыбнулся Даждьбор. – Глаголю,
чтоб ты не зевал, не дал слабину, как за светлыми водится.
Жизнь – штука опасная, хлопотная. Покой лишь в смерти,
да не всем по сердцу.

– Погоди, Даждьбор, – вмешался Эрей, проявляясь у две-
ри в кузницу, – здесь пахнет кровью и недоброй гибелью.
Сильный запах, лошадей беспокоит. В кузне бились, но кто-
то прибрался, трупы подальше унёс, пол свежим песком при-
сыпал.

– Ну-ка, братко, не засти свет, – потеснил Эрея Викард. –
Тут, гляжу, куда любопытнее, чем снаружи топтаться, – про-
шёлся по кузнице, присел на корточки, ковырнул сюрикеном
в земляном полу: – А песочек-то прямиком с Алера, ночью
с поймы мешками таскали.

– Что ж за нежить такая шустрая? – поразился прямодуш-

ный Дажьбор. – Кому хватило умишка?

Эрей ещё раз осмотрелся в кузне, указал на прокопчённую балку:

– Там отсидитесь, Истерро. Подкинь его, побратим.

– А лошади? – хмыкнул Викард, подступая к попятившемуся монаху.

– Лошадей уведём в общинный дом. Пыль *серебряную* сберёг? Присыпь по полу, где сердце подскажет.

Монах кратко взвизгнул, взлетая под крышу в огромных лапищах варвара. Сел на балку, как на насест, пачкая сажей штаны и рубаху. Прижал к груди лук с колчаном, поданный безжалостным великаном.

– Держи коробицу, друже. Тут *серебряный* порошок, полезет кто – сыпь, не жадись, в нашем деле главное – выжить!

– Себе оставь, – попросил Истерро. – Тебе там биться, не мне.

– Как всегда не смекнул, – рассмеялся Викард. – Ох, ничего не меняется в Кару, наш Бабник задаёт чудные вопросы! На тебя охота, Пресветлый брат. Тебя, не меня со свету сживают. Почему тебя? Ну, спроси, спроси!

– Почему? – покорно повторил Истерро.

– Ну откуда ж я знаю! – хмыкнул Викард. – Я не прорицатель и не ведун. Что ты ко мне пристаёшь с расспросами? – и добавил без перехода, не убрав глумливой усмешки: – На кого иггот напал? На меня? Ради кого тут полдня прибирались? Просчитали, гадёныши, что мы смекнём: в деревне де-

ло нечисто! И упрячем тебя в безопасное место. Ну а кузня – убежище хоть куда, святость рудная тут защитой.

– Вот если б трупы кругом валялись, дети без еды передохшие, в это бы варвар поверил и тебя с ними запер, Бабник, – крикнул откуда-то сверху Тверк. – Тут бы и дело сыскалось: сиди в полумраке, отмаливай. А коль чисто кругом, что в дворцовом розарии, это Берсерку не по душе!

Истерро представил картину, сглотнул. Поперхнулся и едва не сверзился с балки. Прямым на любовно заточенный меч, что подготовил обстоятельный вик. Дажьбор глянул вверх, почесал в бороде и меч передвинул на локоть. Не иначе, спасал полировку. Истерро снова закашлялся.

– Нервный, – хихикнул Ван-Свитт, тоже над головой монаха. – Ох уж мне этот Свет, ребяташки, сплошная радость, скажи, зелёный!

– Вот что, Стейси, – окрылся Тверк, грохоча сапогами по крыше, – я тебя нежно люблю, но во имя Единого заклинаю: не попрекай меня цветом кожи!

– А то что? – было слышно кхеканье: Стейси Ван-Свитт развлекался вовсю. – Ты пристрелишь меня, зелёный? Как поднимешь свой лук, как стрельнёшь в товарища...

– Я тебя засуну в дупло и запру там древесной плотью, – перебил древоид так ровно и тихо, что мрази внутри кузни пригнулись.

– Отставить! – рыкнул Эрей. – Ван-Свитт, вам заняться нечем? Викард, разгони их по разным углам!

– Ну вот, – неподдельно огорчился Берсерк. – Таковую свару – и псям под хвост. Эх, братко, нет в тебе любви к драматизму! Тверк, душа древесная, марш на ветку. Стейси, держись ближе к трубе. Вран, ты уже попривык? Прикроешь Дарителя, ворон.

– Я в кузне останусь, – решил Даждьбор.

– Добре! – кивнул Викард. – Тут тебе всё родное, исконное. За полом следи, смекнул небось? Ну и за Бабником, это сложнее. Любит он в смертной битве отвлекаться на цветочки-ягодки.

– Отдадим ему раков, вождь? – мигом придумал Даждьбор. – На сохран и сбережение? А то ведь потопчем в забаве ратной?

Викард улыбнулся от уха до уха, даже борода затряслась глумливо:

– Жесткосердный ты парень, вик, но затейник! Бабник, лови мешок! И учти: все раки сосчитаны и по-братски поделены.

Истерро принял шевелящийся груз, пристроил подальше на балке, извернулся и закрепил пояском, снятым с посеревшей рубахи.

– Гибели моей добиваетесь, – проворчал, ткнув пальцем в потёртый плащ, из которого Вран соорудил мешок. В дыру тотчас просунулся ус, и Бабник палец отдёнул.

С крыши донеслось хихиканье Стейси.

Беда пришла, как и ждали, с реки. Мрази всё рассчитали верно, по приметам выследив нежить. С обмелевшей старицы наплыл туман, плотный, вязкий, что сливовый кисель, он обмотал дома и деревья, заглянул в слюдяные оконца, позвенел колокольчиками на рыбачьих сетях.

Истерро видел, как молочные щупальца вползают сквозь неплотно прикрытые двери, забираясь всё глубже в кузницу, лижут, что верные псы, пыльные сапожищи Даждьбора. Он хотел крикнуть, предупредить, но горло точно стянуло верёвкой, не слова вырывались, чуть слышный сип, сходный с шебаршением раков в мешке.

Даждьбору его сипы были до Неба, что он, тумана не видел? Пнул сапогом, как дохлую крысу, и от *серебряного* оковка туман с визгом отпрянул, свернулся.

– Ох, и славно чешут ребятушки, точно мухи на повидло летят, – прогулялся по печной трубе голос Стейси Ван-Свитта.

– Квадрат восемь! – вдруг крикнул с дерева Тверк, наметив первую жертву.

Громкий визг окончательно убил тишину, и за дверью взяла разгон драка, с воем нечисти, с лязгом мечей, с протяжным присвистом стрел древоида.

– Квадрат десять! Уходи, Берсерк!

Истерро догадался, что мракоборцы заранее разместили двор перед кузней. Знали, что туман наплзёт на глаза, закрывая их плотнее холщовой повязки. Тверк сидел выше, он

угадывал тени, а как бились прочие воины? Как там Викард? Эрей? И кто, кто на них напал? Как понять в мутной, душащей влаге, где нежить, а где дружинник?

– Братко, спина к спине!

– Квадрат девятнадцать, в сторону!

– Вран, ты здесь зачем? Где Даритель?

– Скрылся в тумане щенок, – голос Альбина Врана был спокоен и сух. – Я ему нянькой не подряжался!

Бой с новой силой зазвенел на крыше, над самой головой Белого Бабника. Стейси кхекал и причитал, кто-то визжал на одной ноте, так, что у Истерро заложило уши.

– Кто там? – не выдержав, крикнул Даждьбор.

– Омутницы, – успел отозваться Ван-Свитт. – Поналезли со всей реки. Кто-то ж вызвал ораву, не поленился, не иначе, до Пак-Йолли дошёл!

– Ишь ты, – удивился сын кузнеца.

И тут, точно почуяв кровь и расчистив тропку за бережный круг, которым по привычке очертился Даждьбор, из песка полезли аспидные черви.

– А у нас пиявцы! – возрадовался варвар, едва разглядев, кто пожаловал. – Стейси, всё на трубе кукуешь?

– Ничего, – отбрехался Ван-Свитт, скрежеща по кровле мечом, – мне и тут работы хватает. *Серебришком* пиявцев, а то подрастут да высосут силушку у глупого вика!

– Сам ты глупый, раз в битве шуткуешь, – пожал плечами Даждьбор и принялся топтать чёрных пиявцев окованными

серебром сапожищами.

Червей было много, Истерро видел, что не успевает могучий мразь. Глянцевые от слизи тельца извивались, присасывались к туману и прорастали из пола, открывая хищные пасти. Инь-чианин отсекал мечом не то головы, не то украшенные зубами хвосты, словно косил косой урожай, буднично так, сплеча.

– Не съели тебя? – крикнул Стейси Ван-Свитт. – Или косточки пора собирать? На варваре много мяссца, ой, много!

– Ван-Свитт, прекрати, а то зачарую! – зашипел на мrazia монах. – Что за дурная манера?

– Не так-то просто мне морок кинуть, даже Гласу самого Рудознатца. Не все же в мире наивные дурни, понимать надо, Пресветлый брат. Поднапряги лучше Силу светлую, может, учуешь, где Даритель сгинул?

Истерро попробовал – и не сумел. Позвал снова, ещё раз, ещё. Какой-то отклик донесся издали, будто кто-то просил о помощи, но Даритель ли? Не понять. Всё тонуло в вязком тумане.

Зачем он высунул нос из мазанки? Кто его сдёрнул на поле бойни?

«Любовь, – с тихой скорбью подумал Истерро. – Любовь всегда толкает на подвиги, а неразделённое чувство – к гибели».

– Да чтоб вас, твари! – ругнулся Даждьбор.

Черви всё лезли и лезли, обвивали лодыжки воителя, рас-

текались гнилью под сапогами. Варвар вырвался, вспрыгнул на наковальню, заслонившись от погани честной рудой, схватил молот мёртвого кузнеца.

– Грех это – трогать чужое орудие, превращая его в оружие! Но не гневайся, мастер, иначе никак. По-другому за всех не отбиться.

Черви полезли с удвоенной силой, стараясь заляпать слизью руду.

В дверь кузни, слегка приоткрыв, вдруг сунулся оголтелый Даритель.

– Живой! – обрадовался Истерро, уже отпевший молодого полковника.

– Настоятель, где вы? Скорее сюда, я вас выведу из ловушки!

– А зачем меня выводить? Куда? – озадачился Белый Бабник.

Тут, наконец, Дар Гонт всмотрелся, разглядел во мраке удивлённого варвара с заляпанным слизью молотом, услышал хихиканье Стейси на крыше:

– Думали, со страху удрал мальчонка. Ан нет! Бабника спасал от червей!

– И с хрена ль я тут танцую? – Даждьбор проследил за пиявцами, дружно повернувшими пасти к двери, в которую заползал туман. – Нас сейчас как выведут из ловушки! Как спасут без разбора чинов и званий! Беда с героями, право слово, пиявцы, вишь, ему помешали.

Даритель стоял, что каменный столб, уставившись на чёрных пиявцев. Те азартно всасывали сизый туман, посекундно прирастая в размерах, и варвар вконец разозлился:

– Прикрой створки, малец, коль припёрся! И не мешай веселью!

– У меня есть *серебряный* порошок! – вспомнил на насекомом Истерро, чтобы отвлечь мразей от Гонта. Поелозил, пытаясь достать коробочку, задел мешок с пленёнными раками и кувырнулся вниз головой, цепляясь ногами за балку.

Из мешка, потревоженного монахом, вылез землистого цвета рак, апатично пошевелил усищами и свалился в гущу пиявцев, прищёлкивая клешнями. Пиявцы потянулись к неожиданной добыче, но тут же отпрянули прочь. Рак, освоившись на новом «дне», деловито пополз в их сторону.

– Ишь, какая еда попалась! И в бою пригодна, ты глянь, Ван-Свитт!

– Оголодал усатый, – пожалел бедолагу монах, так и болтаясь вниз головой. – Раки обычно кормятся зеленью, в смысле, растительной пищей, разными хвощами и листьями.

– Чушь, – не проникся Дажьбор, продолжая работать мечом и молотом. – Раки червями питаются. Ну и падалью, гнилью всяческой. Говорят же про трупы, мол, раков кормить...

– Сзади! – крикнул ему Истерро. – Там червь огромный, Дажьбор, берегись! – монах попытался указать рукой и обнаружил в сведённых пальцах лук и колчан со стрелами, тронутыми *серебром*.

Много сил потратил наставник Тверк, душу вывернул, истрепал терпение, но вбил в голову, в тело ученика: сам погибни, а лук не вырони! Руки-ноги сломай, шею сверни, может, новые отрастут. А вот стрелы в походе по счёту, и каждая – спасённая жизнь! Не отобранная, дурень, тут иная ставка: жизнь друга, сбережённая метким выстрелом.

Истерро припомнил Алер, себя, стреляющего по серым теням. Но это случилось в прошлой жизни, возле иной реки. Отныне он на другом берегу, Белый Бабник, недостойный служитель Храма. И душа переполнена новой верой, с которой не страшно жить.

В сердце отозвались слова Сольбери, заслонившего собой насмешника Гварка: ради него отрекаюсь от Света!

Истерро перехватил поудобнее лук, придержал подбородком колчан. Загудела тетива, взвизгнула стрела. Червь, успевший присосаться к Даждьбору, выгрызая кусок потной плоти, отпрянул, издал тихий звук, будто сдувался бычий пузырь, закрутился на месте, давя пиявцев. Краткий присвист меча располовинил гада, утихомирил в склизком песке.

– Вот тварюга! – вздохнул Даждьбор, непонятно, к кому обращаясь. И добавил, глядя пиявцу в пасть, состоящую сплошь из зубов и присосок, щедро заляпанных алым: – Ну спасибо, уважил, сочтёмся.

Кровь текла по могучей руке, нехорошая, густая, как патока.

Яд прожигал тело варвара, отнимая силу и волю.

Впрочем, об этом Истерро не думал. Он бурчал, перебирая ногами по балке, сам красный, что буряк сиволапых, после долгого висения вниз головой:

– Выведет он меня, герой! Вывел один такой! Забыл про дисциплину, полковник? Фух, вот они. Даждбор, лови!

Вынутый из голенища нож с треском вспорол плащ Альбина Врана, и раки посыпались вниз, скрипучим усатым комком. Даждбор ухватил, сколько смог, принялся метать в настырных пиявцев, успевших вырасти в крупных змей. Остальные членистоногие расползлись с потрясающей скоростью, норовя ухватить клешнями глянцевые тёмные тушки.

А вдогонку ракам с еле слышным звоном летела яркая *серебристая* пыль из коробочки, данной Викардом.

– *Серебришко* на мелочишко! – процитировал Истерро безумного Стейси. – Будем жить со звоном, господа мрази, сколько нам ссудит Седая Дева.

Ближе к рассвету утомлённые воины стали собираться в кузне.

Земляной пол, заляпанный червяками, решили прижечь огнём. Целькона так впечатлили пиявцы, что монстр едва не спалил всю кузницу, не деля тех, кто в ней, на своих и чужих.

Стейси Ван-Свитт вздыхал и охал, глядя на потоптанных в сваре раков:

– Не сберёг, злыдень, ох, не сберёг!

– Сберёг! – огрызнулся Даждьбор, тычком отгоняя мразя от Бабника, колдовавшего над распухшей рукой. – Новых налови, жрать охота!

– Не помешало бы! – оживился Викард, вновь печалясь, что не смог разделиться. Интересно было снаружи, с омутицами биться – радость одна, дюже злобные бабы. А в кузне Бабник швырялся раками и висел на балке вниз головой! Где ещё такое увидишь?

Эрей лишь кратко взглянул на Истерро, с одобрением, как показалось монаху. Затаил улыбку в темени глаз. Маг был потрёпан, заляпан кровью, но доволен, – Истерро чувствовал! – будто решил для себя задачу, мучившую с начала похода. Спросить, как велит любопытство? Промолчать, как подсказывает осторожность? И то, и другое у Светлых в крови, что перетянет весы рассудка?

– Выходите из кузни, – приказал Эрей. – Что вы расселись в ядовитых лужах? Я устал целькона держать...

– Погодите! – подал голос Даритель. – А раков-то собрать? Я помогу!

– Конечно, поможешь! Пойдём на речку, – тотчас заскрипел Стейси Ван-Свитт, злой, что сгубили его добычу. – Тут как раз мешковина валяется. Новых наловим, норок полно. Этих, мой юный герой, кушать уже нельзя, они порчены ядовитой жижей. Раздует тебя, что руку Даждьбора, изойдёшь изнутри червями. Кольчуга не взденется на полковничью тушку!

– Славной охоты, други. Одного клешнявого сварим и торжественно Бабнику поднесём! – возликовал Викард. – Будет ему награда: орден Варёного рака!

После того как целькон выжег остатки кузницы, мрази полезли промышлять по деревне.

По подвалам добыли вина, перестоявшего пива, провяленной на солнце янтарной рыбы. Прихватили в поход картошки и репы, буряка надёргали в огороде. Даже варенье сыскалось, брусничное, его без споров отдали монаху.

– Давненько не работал я за еду! – ворчал Альбин Вран, ковыряясь в добыче. – Хоть бы ломаная ракушка закатилась под лавку!

– Да зачем им? Река кормила-поила, меняли рыбу на крупы и сало, – урезонил мrazia древоид, добавляя в кучу мешочек пшена. – Я проверил общинный дом: *серебришка* в углы натывать, сено сгрести, воды натаскать, и можно оставить лошадок. Авось не сожрут копытных.

К обеду мрази не поленились, выстроились вокруг колодца, мечами отсалютовали монаху, признавая в нем мракоборца. И преподнесли, как придумал Викард, на листе лопуха ярко-красный «орден», сладко пахнувший лавровым листом и незнакомыми травами.

Вручённого рака монах не сберёг: по примеру остальных вскрыл жёсткий панцирь и ножом поддел сочное мяско. Награда оказалась настолько вкусной, что он тотчас затребовал свою долю, угрожая страшными карами за непочтение к со-

брату по цеху.

А после, уже перед самым выходом, долго шептал, обнимался с Эльфом, уговаривал коня не буянить и вести себя хорошо, потому что монах скоро вернётся. Пегий жеребчик косил влажным глазом, смущённо фыркал другим лошадям, будто извинялся за Светлого. А Бабник всё подтаскивал сено, собранное по дальним мазанкам, пока не вмешался Викард, прихвативший друга за шкуру.

– Со всеми не напраощаешься, Бабник. Лучше уходить, не оглядываясь. Жизнь – затейница, каких поискать, выткет путь, заведёт на край светотени. Так что долгих планов не строй и пустых обещаний не раздавай.

Но Истерро всё-таки оглянулся. Украдкой, на пару мгновений. Перед тем, как спрыгнуть в пересохшую пойму. И осенил себя Единой чертой.

Чья-то тень мелькнула в деревне. Будто птица пролетела, заслонив свет крылом. Будто выпал камень из пояса Ясаны и перечеркнул белое солнце.

Священное озеро Пак-Йолли

Многими озёрами славны земли Хви́ро. Но самым загадочным и великим по праву считают Пак-Йолли, огромный водный простор, глубины которого не измерить и самым отважным ныряльщикам.

Разное поётся об озере в протяжных песнях Гардарики.

Вот одно из таких преданий. Воды озера – это слёзы несчастных девушек, похищенных злобным драконом. Немало унёс он красавиц, ещё до Первой войны. И в ту пору озеро было норой, подземными хоромами крылатого змея. Многочисленные отнорки образовывали лабиринт, в котором томились девицы и плакали по родному краю, по возлюбленным богатырям, что гибли, пытаясь спасти их. Наконец, услышали Мельты призывы своих сынов, раскололись, открывая им путь в Межгорье, прямую дорогу к логову змея. Целая рать собралась на ворога и в жестокой сече его ододела: упал дракон с высоты Небес напрямиком в нору свою нечестивую. Да пробил её аж до Целены, где и сгинул, замёрзнув у Княжьего трона. А скопившиеся слёзы девушек поднялись из глубин и заполнили яму.

Романтичны сказания варваров, и бескрайняя, что озеро, их фантазия.

Потому как наполняют Пак-Йолли не слёзы бесчислен-

ных красных девиц, а могучие воды Алера, что питают земли Межгорья. Чаша озера гасит его течение, умиряет неистовый бег, и на волю отпускает широкой лентой, впадающей в Юцинское море.

Муэдсинт Э'Фергорт О Ля Ласто

«Суть Вещей». География Кару. Глава о Пак-Йолли (Пак-Йоллин)

3. Вниз по реке

Пустельга прилетела под утро.

Она села на высокий камень и принялась настучивать клювом, передавая секретный код. А может, просто от скуки шумела.

Викард пустельге обрадовался, прихватил мешок, пахнувший раками.

Птица глянула с человеческим прищуром, вскрикнула, тонко, остро, словно меч воткнула под рёбра.

– Не тронь сокола! – приказал Эрей, знаком останавливая прочих мразей.

В мирный рассветный час всё были давно на ногах, собирали лагерь, варили кашу, тащили хворост из леса. Лишь Белый Бабник сопел под ёлкой, так сладко и беззащитно, что никто не решался его потревожить.

– Перенервничал, Светлый, – умилялся Ван-Свитт тоном любящей деревенской бабуся, заглянувшей в каморку к внучку. – Каша дойдёт, тогда и разбудим!

– Светлые любят романтику! – авторитетно заверил Тверк Тополь. – Лови пустельгу, Берсерк, кинем в кашу, пока Бабник не видит. А уж потом я устрою побудку по ритуалам Света!

– Мрази, оставьте птицу в покое, – повысил голос Эрей.

Тверк вздохнул и выдал неприличный жест. То ли магу, то ли пёстрому соколу, в перьях утаившему отблеск рассвета. То ли улыбчивому Викарду, смотрящему с хитрым прищуром. Инь-чианин покивал с пониманием. Спорить с магом Камней лишь вначале забавно. Потом проще поспорить с деревом. Или с каменной кладкой. Едино больше эмоций в ответ!

Пустельга отстучала по камню марш, точно звала на построение. Повернула голову направо, налево, взмахнула крыльями и улетела, громким клёкотом приветствуя солнце, снявшее пояс Ясаны. От клёкота Бабник проснулся и протяжно, с надрывом зевнул. Он явно собирался укрыться плащом и вернуться в уютный сон, где не было Тени, опасности, а только Свет и покой.

Тверк Тополь среагировал, как истый мразь. Он метнулся к ёлке, укрывшей Бабника, и влез по стволу к макушке. Викард разгадал коварный манёвр, но мешать не стал, поленился. Лишь с улыбкой смотрел, как наглый древоид, уцепившись за самую маковку, стал раскачивать пушистую ель, росную и блестящую, точно ветви в *серебро* окунули и присыпали *самоцветами*.

Бабник издал пронзительный вой, которому и волколак позавидует, вылетел из-под ёлки, путаясь в длинном плаще, и угодил прямиком в костёр. Опрокинул котелок с горячей водой, выбил из рук Дарителя щит с любовно начищенной рыбой, который тот пёр от реки.

Наслаждение, а не утро! Со Светом в лесу одна потеха!

Викард встал на пути шалого Бабника, норовящего сигануть с обрыва. Истерро заполошно дышал, с перепугу пытался мажить, тщетно вырываясь из рук инь-чианина.

Под истерический хохот Тверка Даждьбор, поднявшийся в лагерь за Гонтом, поскользнулся на рассыпанной рыбе и въехал всем телом в валун, с которого слетел розовый сокол. Приложился о камень больной рукой и выmaterил всю светотень. Викард аж причмокнул от зависти, смакуя обороты задиристой Викки. Очень любил чудные сравнения. И уважал драматизм.

Тверк Тополь ржал наверху, как подорванный, аж шорох стоял по ельнику. Стейси прикинул направление, сплюнул и метнул в весельчака крупной шишкой. Викард послушал, как бранится древоид, и огорчённо вздохнул. Куда там ючиньской крови, даже нечеловеческой, до благородного мата истых сынов Инь-Чианя. Разучился ругаться просвещённый Ю-Чинь!

– Пошутил? – упёр руки в боки Ван-Свитт. – Слезай с ёлки, пока на дрова не спилили! И марш к реке на рыбалку!

– Что это было? – спросил Истерро, справившись с мелкой дрожью.

– Романтика, – пояснил Эрей, перешагивая через Даждьбора. – Божья роса, птички небесные.

– Умывание, ученик! – крикнул с ёлки неугомонный Тополь. – И пробежка для бодрости духа!

Стейси снова нагнулся за шишкой. Швырнулся мразь метко, безжалостно, целил в глаз, точно белке, чтоб шкуру не портить.

– Я его сам стряхну! – пригрозил Даждьбор, выползая из-под плаща Эрея. – Ну-ка, Стейси, подвинься.

Интересное творилось на поляне, забавное. Но Викард не смотрел, не глумился. Потому как куда любопытнее стало следить за братко.

Эрей постоял у валуна, что-то поднял с шершавой спины, в пальцах покрутил и припрятал в мешочек. Что ему птичка небесная в клювике притащила? Ой, чудно, ой, забавнее мокрого Бабника. Вон и Даритель скосил глаза, и Альбин отвлёкся на руки мага.

А с братко спрос невелик. Ну, укрыл что-то в мажем мешке, может, перо нашёл для коллекции! Рискнёшь посмотреть? Или спросить? Все смолчали и сделали вид, будто ничего не случилось. И Викард смолчал, ну а что? Им долго брести вдоль Алера, успеет выпытать у молчуна.

– Побратим, ты бы Бабника отпустил, – повернулся Эрей, подмигнул, – пусть немного обсохнет, согреется.

Инь-чианин опомнился, разжал руки, выпустил на волю монаха.

– Извиняй, – пробасил. – Задумался. Больше не повторится.

– Не сомневаюсь, – проворчал Истерро. – Думать мрази не любят!

Чуть погода Тверка сняли с дерева и долго с азартом гоняли, разминаясь перед дальней дорогой. Свежую рыбу ловить не стали, соблазнившись наваристой пшёнкой, которую приготовил Викард. Знал инь-чианин толк в сытной каше, умел подсолить-подсластить, овощей добавить, лучку золотистого, маслом топлённым приправить. Только ложки скребли по мискам, даже Бабник перестал кривиться.

Умилительная картина!

Эрей сам подобрался к брату и показал находку.

Камушек. С виду простой и мёртвый, но вприглядку ой любопытный! Инь-чианин не удержался, присвистнул. Маг тотчас вернул добычу в мешочек, к прочим мажьим *камням*.

Смолчал, да и Викард замкнулся, задумавшись о розовом соколе.

Непростой подарок притащила птица, со следами глины и извести, и ровным сколом с одной стороны. Кто-то камень шлифовал, обрабатывал, кто-то складывал стену, скреплял раствором.

– Я почуял *кремний* и кровь.

Это Эрей подал голос, так тихо, что Викард еле расслышал.

– Тень над камнем, я её вижу. Много волшбы течёт сквозь пальцы.

– Новая загадка, братко?

Эрей отрицательно мотнул головой, точно отгонял комара. Нет для него загадок. Он спросил и получил ответ. И те-

перь пойдёт в Тёмную крепость, возведённую магами в Пустотных горах, сам отправится на заклятие.

– По-иному не получается, брат?

– Святогор, ты ведь помнишь, что обещал?

Вот и всё, о чём с ним разговаривать? Глупо спорить с магом Камней. Даже если просит душа, даже если зудят кулаки.

Сколько отмеряно мирной жизни? Привычной, с драками, с охотой на нечисть? С попойками у костра?

Викард прислушался и хмыкнул в кулак: мрази больше не цапались, не шумели, что грачи на рассвете. Складывали на спину целькона нехитрые пожитки и провиант. Проверяли оружие, хмурили брови.

Разудалый поход завершился, началась работа мразёвская.

Алер впитывал ручьи и речушки, набирал силу, журчал и звенел, точно *посеребрённый* клинок.

– Наёмник Лир-де-Стэг! – орал комендант. – Вы посмели провести в скрытую крепость трёх девиц сомнительной репутации!

– Ну, почему сомнительной, – явственно усмехнулся Лир. – Посмотрели б на них, командор, и все сомнения тотчас отпали бы! Репутация у баб что надо!

– Да за такое по законам осады...

– А солдаты спасибо сказали, ракушек в шляпу насыпали...

– Сбросить с дозорной башни!

– Девок-то за что? Оставьте себе.

– Не девок, а вас, Лир-де-Стэг!

Семиус издевательски развёл руками:

– Не вы меня нанимали, милейший. Не вам и наказывать.

Знайте место.

Комендант издал звук, похожий на кваканье. Лайна Фе, затаившись за дверью, удивлённо выгнула бровь. Сколько талантов в одном коменданте! Хотя беднягу можно понять.

Старый вояка, герой сражений, знающий, как выживать в осадах, ярый фанатик армейского кодекса столкнулся с Лиром-де-Стэгом, бретёром, даже слова «дисциплина» не знающим! Такой конфуз в доверенной крепости.

Любопытно, как сказал бы Викард.

– Знаете что, наёмник, отправляйтесь сторожить казематы. Без права выхода на поверхность, без допуска за пределы крепости.

– Слушаюсь, господин комендант! – невесть чему возрадовался Лир. – Разрешите исполнять? Ать-два!

Лайна едва успела отпрыгнуть, укрывшись пыльной портьерой. Лир-де-Стэг бодро прошагал мимо, демонстративно чеканя шаг и задирая ноги.

Становилось всё интереснее. Варвары любознательны от природы, а уж варварки им фору дадут. Жрица досчитала до десяти и пошла вслед за наёмником, ориентируясь на грохот сапог и «ать-два!», разносимое эхом.

Лиру отправили в казематы, самое мрачное место в замке, а он доволен, он просто счастлив, будто стал кавалером ордена. Не за этим ли Семиус нарывался? Дебоширил, тащил девок солдатам? Мочился с дозорной башни да так, что струю снесло ветром в окно коменданта?

Ой, хитришь, бретёр, ой, заманиваешь!

– Так и знал, что следом пойдёшь, красавица!

Лайна Фе моргнула, улыбнулась с намёком, хотя не услышала, не почувяла, когда Лир перестал кривляться, греметь сапогами и орать «ать-два». Он пугал и притягивал одновременно мгновенными переходами от бахвальства до смертельного выпада.

– Такой балаган устроил, как же не посмотреть. В замке развлечений негусто, и все они не для дам.

– Даже спорить не стану, царевна! Из развлечений тут казни да пытки. И стоны изувеченных в казематах. Когда ждать Эрея, прелестница?

– Дня через три, может, раньше. Теперь всё от Роша зависит. А ты в казематах что потерял? – Лайна пошла рядом с бретёром, накручивая локон на палец.

– Дорогая, будешь скучать? – возликовал Лир-де-Стэг, но по холодным глазам было видно, что не купился на нежный тон. – Может, навестишь горемыку? Бутыль вина под подолом протацишь?

– Навещу, если ответишь, – жрица выкрутилась из-под наглой руки. – Тут всё равно нечего делать.

– Вот и мне скучно, – оскалился Лир, изображая улыбку. – Не ровен час, на войну отправят, зачем Фелкасту на глаза попадаться? Он в подземелья теперь не заходит, наверху работы хватает.

– Отвага и честь – твой девиз, Лир-де-Стэг? – жрица вернула улыбку, холодную, будто кинжал убийцы. – Лишь со стариками воюешь?

Бретёр выгнул красивую бровь, в глазах, светлых, как ранние сумерки, мелькнуло на миг удивление. Лайна досадливо сморщилась. Слишком мягок и липок бывал Лир-де-Стэг, прятал убийцу под маской шута. Опасно рядом с таким забываться!

В казематах эхо плодило стоны, шорохи, болезненный бред.

– Зачем дракон мучает пленников? – Лайна Фе прикрылась наивным вопросом от *стального* взгляда наёмника. Что взять с женщины кроме утех, не так ли, солдат удачи?

– Глупая ты, хоть и жрица, – бретёр чуть расслабился, отвернулся, будто жреческий нож отвёл от горла. – Силу набирает дракон. С каждой замученной жертвы прирастает чешуйка в его броне. Ну и я намерен разжиться Силой, крохами, что пропустит зверь. Война что? Никуда не денется. Успею навоеваться. Тут же источник сырой энергии, вскрытые Фелкастом кувшины, из которых вытекает хмельное вино.

– Мародёр? – насмешливо фыркнула Лайна. – Семиус, те-

бе не к лицу!

– Выходит, по нраву моё лицо? – притянул её Лир-де-Стэг.

Снова эхо усилило стоны, завывания из-за низких дверей, окованных мёртвой медью. Разные людишки томились в камерах, каждый в своём одиноком аду, были и нелюди, и жрецы, провинившиеся перед хозяином. Попасть в соседнюю камеру с ними было проще простого. Зачем же тебе казематы, Лир?

Семиус по-своему истолковал её взгляд, улыбнулся, поманил пальцем, будто ему дозволили по-хозяйски разговаривать с ведьмой.

В подземелье заплакали, тонко и жалобно, явно кусая губы и руки, чтоб приглушить рыдание. Лайна завертела головой в изумлении.

– Уходи отсюда, царевна, зачем терзаться до срока? Вот когда мага на дыбе растянут...

Договорить Лир-де-Стэг не успел. Лайна выкрутилась из объятий и побежала по коридору.

За крутым поворотом открылось странное: белокурая девушка склонила колени, прижалась лбом к медной двери. Колотит кулаками в стылый металл, будто надеется пробить руду.

– Милина? – с удивлением прошептала Лайна.

– А ты спрашиваешь, на кой сюда напросился, – не удержался Лир. – Да тут девушек больше, чем в верхних покоях!

Просто розарий в навозной куче!

Милина услышала голоса, попыталась вскочить, но отказали ноги, их свело от долгого покаяния. Растрёпанные волосы, отбитые руки. Красные, будто у нечисти горной, измученные глаза. Желанный приз на турнирах, мечта любого гвардейца, Милина И-Дель Фабро в казематах замка была похожа на древнюю ведьму!

Лайна Фе оглянулась на Лира, задумчиво крутящего завязку плаща. Вновь кинула взгляд на Милину. И на медную дверь перед ней.

Они с Семиусом, пикируясь, сделали сто сорок четыре шага от входа, два поворота, сначала на Цинь, потом на Инь-Чиань. Дверь обычная, без примет, разве что царапины на руде, неужели Милина царапала медь? Взгляд на пальцы белокурой красавицы, на её ногти. Стёсаны! Жидкий перламутр, изобретение Братства, растрескался, сполз, пошёл заусенцами. Вот тебе и ледышка Милина!

Поверх внезапной жалости к девушке вылезло варварское любопытство. Лайна оттеснила Лира-де-Стэга, помогла встать Милине, обняла за плечи.

– Идём-ка! – потянула красавицу прочь, укрывая меховым плащом. Лайна давно заметила, что плащ выводит из себя бретёра, тот хмурит брови и смотрит хищно, но сейчас это было кстати. Рысья шкура отвлекла внимание Лира, направила по ложному следу. Жрица ещё раз оглянулась на дверь и украдкой провела кольцом по стене. Нешлифован-

ный тусклый алмаз, притаившийся на безымянном пальце, оставил еле приметный росчерк. Так надёжнее, потом она выяснит, что заставило Милину рыдать, будто простецкая баба.

Жрица потащила девушку прочь от любопытного взора Лира, запоминая путь. Тут они проходили, а тут повернули. Всего сто сорок четыре шага, считай, Лайна Фе, не сбейся! Сто сорок четыре удара сердца, от которых зависит жизнь.

Наверху, едва выбравшись из казематов, Милина попыталась сбежать. Деланно рассмеялась, скрывая за наглой манерой смущение, ударила и оттолкнула жрицу. Но варварка была готова к тому, что красotka замыслит побег. Глупо. Навивно. И бесполезно. Хорошо хоть ножом не пырнула!

Лайна удержала добычу, забившуюся в ритуальном плаще. Рысь так просто не выпустит. Кошки любят играть с юркими мышками, побывавшими в постели хозяина и допущенными к сокровенным тайнам. А уж если у мышки появился секретик... Вот где раздолье для любознательной жрицы, знай, подцепляй ноготком, дергай за оголённые нервы.

В комнатке Лайны Фе быстро вскипел пузатый чайничек, сладко запахло сдобой и травами Инь-Чианя. Жрица заварила особый сбор, расслабляющий, но не дающий уснуть, приглушающий чувство опасности. Никакой магии, сплошь травоведенье! Хозяин не почует светлой волшбы!

Милина потеряно ткнулась в чашку. Было видно: ей дур-

но и муторно, и хочется улизнуть к себе, упасть в подушки, рыдать, выть от боли, колотить посуду, как базарной девке, застукавшей мужа с подругой. Всё интереснее и забавнее! Знать бы раньше, что в замке такой балаган, и заезжих шутков звать не надо.

Лайна не приставала с расспросами, боясь отпугнуть, взволновать. Травы сами откроют Милине рот, расслабят язык, отуманят разум. Ещё немного, терпи, ещё! Последний шажок, госпожа Милина...

– Спасибо за чай, – белокурая девушка осторожно отставила чашку. – Здесь найдётся хотя бы небольшое зеркало?

Достойный вопрос. Ну, разумеется, зеркала – привилегия настоящих красавиц, куда там дурным инь-чианьским ведьмам! Лайна встала, сдвинула ширму, прикрылась ей, будто щитом, освобождая укромную нишу. Там стояло трюмо красного дерева с богатой резьбой по дверцам. Маленький пуфик на вычурных ножках приглашал присесть, манил мягким бархатом, и Милина не удержалась.

Посмотрись, красавица, в зеркало жрицы. Видишь его? Большое, богатое. *Серебро*, укрытое за стеклом. *Серебро* возьмёт тайные мысли, впитает обиды и тягости, зачерпнёт их с самого дна души. Твои слёзы взбудоражили холодную гладь, пошла рябь, зашумела осока по берегу...

– Странное зеркало, – вздохнула Милина. – Смотришь в него, а чудится озеро, глубокое, как колодец, ведущий на Тёмную сторону.

Надо же, учуяла Силу Пак-Йолли, бывшая дочь звездочёта! Не обделил Господь светлой магией. Ну, сразимся, узнаем, кто круче!

– Там есть пудра, румяна, сурьма. Возьми, что по сердцу, красавица.

– Спасибо. Мне бы воды...

Лайна Фе прошла к бочке, черпнула ковшом. Еле слышно шепнула скрытый приказ, добавила в воду с каплей слюны. Милина И-Дель Фабро ничего не заметила. Травы вошли в полную Силу, повинувшись движению пальцев жрицы.

– Из-за чего же ты плакала?

Милина вздохнула и шмыгнула носом:

– Из-за чего плачет женщина? Только из-за любви.

– К себе ли? К доброму молодцу? А может, к недоброму, госпожа?

Милина И-Дель Фабро протянула руку, тронула склянку с пудрой. В *серебре* отражалась блондинка, зарёванная, с распухшим носом, отчего цепляло занозой в сердце: одна в целом мире, совсем одна, некому выплакать слёзы, душившие по ночам. Лайна следила за ней из-за ширмы, не торопила, ждала.

– Молодец добрый, – сказала Милина, не жрице, холодному зеркалу, отражавшему её боль и стыд. – Любил меня, а я... – она запнулась, но проговорила вслух, – я его предала! Рош убил бы его на месте. Лучше б убил, потому что... Плохо и ему, и мне.

– Ты влюбилась? – Лайна удивилась настолько, что едва не сломала исповедь. Милина вздрогнула, приподнялась, но *серебро* протянуло нити к неприкаянной одинокой душе, а травы опутали ноги и волю.

– Я ведь не кукла, – вздохнула красавица, – я хочу беззаветной любви. Меня многие желали и покупали, но чтобы любить всем сердцем, глупо, с щенячьей отвагой... Влюбилась? Может, и так. Но теперь любовь за семью печатями. Никогда не простит, не забудет...

Милина приходила в себя, Лайна ощутила кожей. Так лёгкий ветер ласкает руки, избавляя от жгучего зноя, а ты знаешь, что придёт ураган! Слишком быстро скинула чары красотка, но она была Светлой, умела очиститься. А ещё придворная жизнь научила держать на засове душу.

– Есть способ разжечь любовь, вернуть её из праха и пепла, – кинула новый крючок Лайна Фе. – Есть заклинания и ритуалы. Раздобудь прядь волос, госпожа, а слова и жесты я подскажу...

– Пойду, – перебила Милина и сумела привстать с коварного пуфика. – Не советую болтать, инь-чианьская жрица, развяжешь длинный язык, и даже Рош тебя не спасёт!

Не девушка, а восторг! Как быстро меняет маски!

Лайна высунула язык, являя миру длину, в самом деле немалую, потом поклонилась Милине с наигранной покорностью и почтением. Как скажете, госпожа! Всё равно вернётесь за зельем, спросите про ритуал. Ваша голова, что цве-

тущий сад: уронишь семечко и ждёшь, что взойдёт. Время терпит, с трудом и бранью, но пока ещё можно играть!

Милина нахмурила изящные брови и вышла, прихлопнув для важности дверью. Ничего не сказала, зараза светлая. И всё разболтала, если знать подоплёку. Но откуда варварской жрице знать? Не так ли, бывшая дочь звездочёта?

Лайна сама присела на пуфик, протянула руку к зыби стекла. Зеркало подтаяло, всколыхнулось, мигнуло нездешними звёздами.

На берегах Пак-Йолли по ночам иногда брала оторопь. Жрица знала о звёздах всё, но никогда не видела тех, что отражались в озере. Кто-то говорил о гнилушках на дне, кто-то толковал о неведомых тварях. Лайна знала: это небесные искры, что светят на той стороне мира Кару, над безжизненной ледяной пустыней, над тронем Тёмного Князя. Холод и мёрзлая смерть заглядывали в Хви́ро через Пак-Йолли.

Жрица невольно поёжилась, вспомнив недавний сон: те же звёзды, женщину с льдистыми крыльями и двоих в неуклюжих костюмах, спешащих навстречу гибели. Кто эти двое? И что в них Лайне?

Однажды судьба нагонит, опрокинет в промёрзлые камни и сожмёт беспощадной рукой. Что ответишь ей, инь-чианьская жрица? Что прохрипишь напоследок? И стоит ли жить, как живёшь сейчас, ради удара под дых?

Из-за чего плачет женщина? Спешит на свидание с Седой Девой?

Из-за любви. Правда, Милина?

К пальцам жрицы потёк туман – колдовская хмарь древнего озера. Проник в сердце, выжег глаза, драконьим дымом сорвался с ноздрей.

Видения остановили время, задули свечи и огонь в камине, соткались в неверных сумерках в причудливый гобелен. Лайна увидела юношу и наигранно-равнодушную девушку, не подавшую ему руки. Красавица гнала прочь, как умела, указывала взглядом на дверь. Но юноша не понимал намёков, не принимал её жертвы. Он был слеп, все мужчины слепы, когда им отказывают в любви. Глупый позёр и хвостун! Милина застыла возле ворот, не пуская юношу дальше в замок, пока голос в её голове не приказал сурово и жёстко: пусть идёт, пригодится, мальчишка! А из окна выглядывал Рош, демон Почти Воды.

«Демоново семя! – шепнуло зеркало, отражая далёкий лес и обмелевшее русло Алера. – Мельчитор. Не дыши, не пей, он закроет Высшую Сферу!»

Лайна опрокинула воду, не допитую красоткой Милиной, не дышала, сидела у зеркала, закрыв руками лицо.

– Братко! – позвал Викард. – Совсем завязал с разговорами? Ну хоть рыбы пожуй, ваша ж, мажья еда. Даже Бабник не брезгает.

Эрей взял миску, задышал над ней, разбирая рыбные запахи.

– Сам у костра танцевал, присматривал, – заверил его Викард. – Нет там отравы, не дрейфь! И гляди-ка, ягод тебе притащил, пригоршню брусники набрал на полянке. Белый мох, а в нем капельки крови лежат, красиво, жаль, Бабник не видел.

– Не нужно ему про кровь, – коснулся руки Эрей, принял ягоды в горсть, втянул губами. Подержал за щекой, точно лакомство, словно снадобье получил, исцеляющее любые раны.

– От этого не уберечь, – скорчив мудрую рожу, возразил Викард, копируя ужимками Мастеров. Ему ещё в Школе вбивали в голову, а заодно в руки и ноги, что повторение – путь к познанию, к совершенствованию души. – Крови вокруг достаточно, пусть уже привыкает.

Эрей молчал, смакуя бруснику. И то добре, щедрая ягода, пробуждает защитные силы, желчь разгоняет, лихоманку гасит. Ну и с похмела самое то. Братко в последние дни, что скоморох, перебравший мёду: что не ляпнет, всё невпопад. Не здесь он мыслями, да и телом – не с ними. Вдруг от ягоды полегчает?

Нужно ещё брусники добыть!

Маг снова взял миску, ковырнул карася, кинул в рот белое мясо.

– А вот щучью голову принесу? – с надеждой спросил Викард. – Для тебя приберёт, отобрал у Дажьбора!

– Неси, – согласился Эрей, чтобы утешить брата, уж это

Берсерк смекнул, не дурак. – Мяса бы...

О мясе инь-чианин и сам мечтал, о хорошем, исходящем жиром куске, зажаренном прямо в углях. Да где ж его взять в опустевшем лесу?

– Пустельга опять прилетала. Хочешь, словлю на ужин?

– Что-то принесла? – оживился Эрей.

– Только орала истошно, будто бы время наше кончается.

Маг кивнул и склонился над рыбой. Викард метнулся за щучьей башкой, припечённой с одного боку. Славная еда: челюсти целы и глаза навывкате не проколоты, пей не хочу рыбью силушку. Под щёчками сладость, аж слюни текут. Не тронул, донёс побратиму, дозволил бы маг, – вены б вскрыл и кровушку тёмную спустил по капле, лишь бы ему подсобить. Не дозволит, лишь глянет с укором. Зачем братался, мажья душа?

– Твёрдо решил?

Эрей кивнул. Не тратил на разговоры Силу, те малые крохи, что в нём остались. Давеча Викард подглядел на привале, как братко глотает *камни*, украдкой достаёт из мешочка, за-талкивает в себя, хороня в нутре *самоцветы*, что разжигают в жилах огонь и исцеляют раны.

Ой, недоброе задумал брат, ой, опять собрался помирать без Викарда!

– Святогор, ты так напрягаешь мозг, что вены на лбу вздуваются, – улыбнулся ему тёмный маг.

– Шарно, – не принял шутки Викард, называя побратима

настоящим именем, которым тот дорожил. – Я за тобой вернусь, обещаю.

– Ты Бабника клялся спасти.

– А тебя кто потащит из пропасти?

Маг лениво повёл плечом.

Река, которую по привычке все называли Алером, в два дня набрала достаточно мощи, впитав, приманив ручьи и речушки, стекавшие с Мельтских гор. Нацепившие облака вершины, и летом покрытые шапками снега, щедро делились влагой с предгорьем. Много в диких лесах было сломано, выворочено и завалено, но упорная вода пробивала дорогу, пролезала под корнями и ветками, сочилась среди камней. Наполняла озерца и с крутого берега падала в обмелевшее русло. Вскоре пойму затопило настолько, что шагать по ней стало слякотно. А по центру русла торопился ручей, в который окунались по пояс.

Эрей расщедрился на пару слов, мол, вниз по течению, у Пустотных гор, снова замкнуло русло обвалом. А значит, смекнул Викард, если Алер не пробьёт плотину, будет на месте лесов и долин смрадное болото, нехорошее, гиблое, заберёт себе мертвецов в деревнях, прихватит загубленное зверье по норам. Худо станет в Межгорье. А страшнее всего подле озера: обмелеет Пак-Йолли, сморщится, приоткроет опасные норы. Ищи потом нежить глубинную на подступах к родной Гардарике!

– Пробивать нужно, – кликнул он Дажьбора. – Хорошо

бы расчистить реку, выпустить на простор. Про то и былинку сложить не грех!

– Прогуляемся в скалы, вождь? Здесь предгорья богатые, щедрые. Может, Мельты подарят нам *камушки*, годные для мажьего порошка? А порох откроет любые заторы.

– Добре, – обрадовался Викард. Слить из лагеря ой как хотелось, от всей этой гнили и вязкой хандры, а тут и дело сыскалось достойное.

– А ну стоять! – вклинился Тверк, свесившись с мшистой ёлки. Где только таился, шельмец! – Тёмный маг речь толкнул, велит строить плот, дабы в разливе попой не мокнуть, а вы хотите козлами по горным отрогам скакать?

– Не на прогулку собираемся, друже! – укорил древоида возмущённый Дажьбор.

– А деревья валить, значит, Стейси будет?

Викард хохотнул, представив картину, погрозил древоиду пальцем:

– У кого топор, тот и рубит, Тверк. Ну а мы, так и быть, потаскаем полешки.

Сразу расхотелось бежать из лагеря. Сразу сделалось интересно и весело.

Лес валить – молодецкое дело! Можно бревна повертеть-покрутить, покидаться ими с обрыва. Опять же, плот – штука полезная, по реке враз домчит до затора, а уж там поглядим, чем его скovyрнуть.

– Парус нужен, – щебетал Ван-Свитт, задолбавшийся пе-

шим бродить по лесам. – Скидывайте плащи, дружиннички, а игла с клубочком всегда при мне!

– Наши плащи, – отмахнулся Викард, – давно превратились в рыбачьи сети. Какой из них парус, дыра на дыре. Бабника разорь, сердцем чую: есть у монаха чистая тряпка в запасе. А ну как встретится с Императрицей!

– В нашем болоте? – усомнился Ван-Свитт. – Пряма девка красивая шагнёт из-за ёлки?

– Вера творит чудеса! – обнадѣжил мразя Викард.

Вран не поленился, помянул Единогo, заглянул за ближайшую ель. Вернулся к товарищам с видом, полным смирения и покаяния:

– Не сильна моя вера, братцы, увy!

– Ну так оставь Бабнику бабниково. Лучше верёвки неси. И мох собери в котелок, там ягель растёт, пригодится.

Истерро порылся в своих узелках, которых даже в этом походе тащил на себе предостаточно, смущенно выдал Ван-Свитту плащ, сладко пахнувший мыльным корнем.

– Чудны дела твои, Боже Ушедший! – воздел руки к небу мразь, повторяя любимый жест Светлого. – Да ладно, Бабник, что ты скукожился! Не напрасно тащил на себе, хвалю. Пригодится бельишко детишкам. Как помчимся по водной глади да под белоснежным парусом!

– Слишком приметно выходит, – опечалился Альбин Вран. – Таились, по лесам пробирались, а тут кучно да по открытой воде. Расстреливай, кто не ленивый! Бери в полон

добрых молодцев.

– Вот раскаркался, – отмахнулся Тверк. – Наше дело простое, ворон. Разведать, что за хрень притаилась в Пустотах. А быстрее, чем по воде, не поспеть.

– Убедили, – хихикнул коварный Стейси. – Извиняй, милсдарь Бабник: плащик твой новый выпачкаем в травяном соку. А плот ветками укроем для верности. Вроде как куст плывет по реке.

Истерро сморщился, выгнул брови, всем видом изображая страдание, но руки не поднял, поостерегся. Учужал, что друг инь-чианин заготовил шишку, чтобы метнуть. Уже несколько дней неугомонный Берсерк развлекался подобным манером, отучая от величавых жестов.

Викард наслаждался спектаклем. И шишку метнул в Ван-Свитта, вновь передразнившего Бабника.

А дальше они с Дажьбором валили могучие ели, так, что хруст стоял по тихому лесу, будто снова в Мельтах случился обвал.

Тверк, Даритель и Альбин Вран попеременно срубали толстые ветви топором древоида, поминая и проклиная всех колючих тварей Межгорья. Дэйв обжигал ветки потоньше, негодуя на суровую долю. Стейси взялся вязать стволы. Истерро отправили за белым мхом, снабдив котелком и объёмным мешком, связанным из старой рубахи Викарда.

Лишь Эрей прохлаждался в тенёчке и с ладони ел ежевику, найденную побратимом в лесу. Губы его почернели от

сока. На извращённый Викардов вкус, смотрелся братко забавно.

Плот собрали на берегу, лишний раз проверили все узлы, подогнали плотнее брёвна. По центру пристроили мачту, нацепили сшитый Ван-Свиттом парус. Заодно полоумный Стейси проявил доброту и заботу, неслыханную для мразёвской породы: заштопал, как мог, бельишко, что накидали товарищи. Иглой он орудовал ловко, что твоя белошвейка, штопку скреплял заговорами, нашёптывал что-то при каждом стежке.

– Так он и с куклами может, – поделился Викард с Истерро, когда тот вернулся с набитым мешком. – Свяжет куколку из соломы, с паклей вместо волос, плюнет, кровью помажет, иголкой посередь шуранёт с причитаньями и заклятьями, и всё, нет человечка.

– Но ведь это убийство, Викард. Не верю!

Великан посмотрел на Бабника, почесал в бороде, ухмыльнулся. Вот ведь святая душа, ничему-то дорога не учит! Всё полагает, в дружине мразёвской сплошь храбрецы да герои, зазря кровь не пустят, жизнь не отнимут!

Смолчал: а почто веру рушить? Зачем вновь выламывать стержень Света?

Всякой вере основа нужна, пусть наивная, пусть чудная, но на чуде, завещанном предками, целый мир стоит да не падает! Ибо родился из Света и Тьмы, а населился из малого семени.

– Святогор! – позвал братко одними губами.

Викард присел рядом, наострил уши. В почерневшую от ежевики ладонь подсыпал недозрелой лещины, что вытащил из кармана портков.

– Где промышлять исхитряешься? – удивился маг, любясь орехами. – И когда, вот главный вопрос.

– Худо тебе?

– Руда уже близко. Рядом с ней будто зубы болят.

Викард поскрёб бороду, тряхнул рукавом, метнул сюрискен в старый пенёк. Поманил рукой, притянул обратно. Снова метнул с плеча.

– Вот скажи мне, братко, на кой? Зачем Руда твоему Ригару, коли магу Камней она в тягость?

Эрей рассмеялся, напрягая мразей. Они не боялись тёмного мага, но смех Эрея будоражил кровь, точно призыв боевой трубы.

– Не в тягость. Нам проще, чем остальным: власть Руды слаба над тёмными магами. К тому же Ригара здесь нет, сидит в Аргоссе, в *хрусталь* наблюдает.

– И? – напомнил великан о вопросе. – Братко, ну очень мне любопытно!

– Ему нужно убить сына Рандиры.

– Вона как, – протянул Викард. – Ох, я б руки-то оборвал Сильнейшему. И над трупом позабавился всласть...

– Не бахвалься, – оборвал его маг. – Чем болтать без толку, наведайся в горы. Вдруг ответят Мельты на поклон и лас-

ку? Только Бабника с собой прихвати. Не сегодня, но рисковать не станем.

Викард подскочил, махнул Дажьбору, поманил грязным пальцем Истерро, норовящего подслушать разговор побратимов.

Эрей щёлкнул пальцами, вскрывая орех. После *камней* что ему скорлупа, в пыль разотрёт и отправит под ногти! Причмокнул, высасывая молочную сладость. Тяжко тёмному магу, ой, лихо! Сроду не тянулся за белым сахаром, а теперь только знай подноси!

Бабник пристал с расспросами, но получил пинки да тычки сразу от двух инь-чианьских витязей. Ибо незачем пачкать тишину словами, если собрался к подножию Мельт. Викард стукнул пальцем в висок, позволяя копаться в сознании, и открыл Истерро нехитрый план: сходить на промысел к ближним отрогам. А потом ухватил монаха за шкуру, кинул тюком на широкую спину и припустил вслед за Дажьбором, выкладываясь в быстром беге.

Истерро с перепугу вцепился в волосы, заплетённые по обычаю в десять кос, дёрнул, будто лошадь осаживал. Викард не сдержался, заржал по-конски, взбрыкнул, точно резвый скакун. Но останавливаться не подумал: так славно бежалось, что душа инь-чианина песнь слагала от счастья.

После долгого унылого пути по пустыням, по выжженным степям и иссохшим рекам – наконец-то горы, великие Мельты. Наконец-то прохлада вместо жары, шуршащие ша-

ги близкой осени. А за хребтом, за вершинами белыми раскинулась родная Гардарика! Многоводная, многозвучная, с гудками потешными, скоморохами ряженными, со зверьём опасным и диким! С непролазными чащами, с отвесными скалами, с озёрами синими, что девичьи глаза. Иной покон, и песни, и люди. Милый сердцу, желанный край!

«Когда-нибудь, – в мыслях поклялся Викард, так, чтоб услышал Бабник, – я покажу тебе город над озером, проведу в покои родителя, обучу любить благодатный простор, что вы считаете варварским!»

Истерро обвыкся, ослабил хватку, кивнул в ответ с благодарностью.

Инь-чианин перестал удерживать думы, вычистил от пустых вопросов. И вконец опьянел от бега.

Разудалый полёт по науке Школы, когда ноги едва цепляют пушистые метёлки травы, чуть касаются камня, обращают ветер в натянутый над землею канат, в предгорье получался на зависть. Хорошо бежать по холодному воздуху, раскрывая ладони навстречу Мельтам. Славно, как славно возвращаться домой!

Дажьбор не владел навыком лёта, не был вхож в монастырь Скалистого острова, а потому спешил по земле, кроя вождя срамным словом. Викард сбавил ход, спрыгнул на камень, скользя сапогами по вечерней росе. Крикнул:

– За лесом отрог. Там поклонимся хребту, испросим дозволения на краткий промысел.

Вик перевёл дыхание. Рассмеялся, поймав взгляд Истерро:

– Бабник, они такие, подмастерья Скалистого острова. Им тверди мало, ветер седлают, взбивают ногами туманы в масло.

– Не думал, что такое возможно. Хотя видел однажды в голове Дарителя, как спускались варвары с юной горы.

Судя по голосу, монах был напуган неожиданным умением Святогора. Всё ещё удивлялся, наивный, всё ещё верил в превосходство Ю-Чиня.

– Есть силы трепать языком? – насмешливо спросил Викард у Даждьбора. – Тогда побежали, друже, до сумерек обернёмся.

Коварный лес обманул: вместо отрога подсунул мшистые валуны. Но и здесь почудилась ухмылка Мельт, будто хребет протягивал руку, встречая своих сыновей. Викард снял с могучей спины Истерро, и варвары преклонили колени, касаясь руками святых камней. Монах торопливо повторил их жест, и инь-чиане довольно кивнули.

– Отец наш, заступник, владыка! – зычно воззвал Викард. – Пришли на поклон с чистыми мыслями. Дозволь детям своим, скала от скалы, прикоснуться к богатствам глубинным. Нам не надобно *самоцветов* и *руд*, то лишь возьмём, за чем торопились! Дай же нам селитры калийной, той, что горит сиреневым пламенем, да вонючей серы в равных долях, да угля древесного толику, дабы не жечь перевоздан-

ных лесов, не пачкать дымом твои облака!

Истерро сдавленно кхекнул, выпучив глаза на Берсерка. Можно подумать, состав мажьего пороха был тайной, сокрытой в подвалах Венниссы! Хотя в Хвиرو и не такое таили.

Лишь когда витязи встали с колен и пошли неспешно на Инь-Чиань, шаг за шагом приближаясь к любимым горам, Истерро спросил хриплым шёпотом:

– Я сберегу твой секрет, Берсерк! Но ответь: неужели все в ваших землях знают о взрывчатой смеси?

– Великий Эттивва, какие секреты! – жизнерадостно махнул рукой великан, подставляя лицо тихой ласке Мельт. – Рядом с Аргоссой живём, мажьей наукой дышим. Тут помимо трёх компонентов – это слово такое мудрёное вроде мерда долей в рецептуре, о! – нужна воля тёмная, смесь связывающая, обращающая *камни* в огонь и смерть. И селитру, и серу ведь надобно вскрыть, чтобы вынуть из них громобойную Силу.

Бабник в кои веки смолчал, даже потряс головой в удивлении. Чудны дела, Великий Эттивва, Бабник боится задать вопрос!

– Я проведу тебя в Мельтские горы, – пообещал Викард. – Очень уж падок ты на запретное.

– Ой ли, вождь! – упрекнул Даждьбор. – В Мельтах не жалуют Братство.

– А дальше? – разом очнулся Истерро, отводя беседу с опасной тропы. – Вы попросили, и что станем делать?

– Погуляем немного, – хмыкнул Викард, – опосля воротимся в лагерь. Сам подумай, бесценный Бабник, если горы откажут, тут ищи, не ищи, путного всё одно не выйдет. А просящего по покону... Как ты там говорил? Игно-ри-ровать? Кратче, зачем обижать, коли просят добром?

– Мельты любят тишину! – напомнил Даждьбор.

И остаток прогулки они молчали.

Когда солнце тронул пояс Ясаны, Викард замер на месте, будто в камни врос. Гайтан на груди задёргался, заплясал вплетённым *кордиеритом*. Потянул в сторонку с неприметной тропки, по которой шагали варвары.

Тотчас витязи заулыбались, заспешили на магический зов да так, что Бабник отстал, затерялся. Когда он, взьерошенный, оцарапанный, выбрался на поляну, Викард уже собирал в мешок подаренные хребтом богатства, и то, что все три компонента нашлись в неглубокой ямке, удивило одного лишь Истерро, не умевшего говорить с горами.

– Хватит добычи, чтоб вызволить реку, – поклонился великан суровому кряжу. – Благодарим, государь и отец, за щедрость твою и внимание!

Даждьбор хлопнул по холке монаха, пригнул шею могучей дланью. И то верно, учись друже Бабник, раньше Свет умел беседовать с миром, жаль, подзабыл науку. А шея, поди, не сломается!

– Вы позволите сесть рядом, советник?

Эрей выгнул бровь и кивнул Дарителю. Щёлкнул новым орехом. Пустой!

– С исповедью лучше к Истерро. По душам потрепаться – к Викарду.

Не так много осталось Силы, чтобы тратить её на разговоры. Но с другой стороны, беседа способствует пониманию, как с умной рожей изрёк бы Викард.

Дар Гонт присел на узловатый корень, нахохлился и смолчал.

Ну и славно, зачем тратить слова? И без них всё видно, как в *хрустале*.

У костра Стейси и Альбин Вран на спор кидали ножички в землю. Вскоре Вран проиграл в нехитрой забаве, помрачнел, прихватил *рудный* меч и отправился к реке на дежурство. Видно, выпало плот сторожить.

– Что вы хотели, Гонт? – расщедрился на вопрос Эрей. Молчать рядом с юным полковником оказалось настолько тягостно, что даже маг не сдержался.

В лесу, ещё летнем, парком, сделалось вдруг неуютно, будто кто-то поддел ворох павшей листвы, а оттуда пахнуло гнилью и полезли склизкие черви.

«Вода, – маг дожидался ответа. – Так пахнет стоячей водой на болотах, не мхом, не лишайником, не кислой ягодой. Смрадным илом с душного дна. Откуда бы в еловом лесу?»

– Я хотел объяснить, – прошептал Даритель.

– Стоит ли? – удивился маг. – Вы уверены, что мне инте-

ресно?

– Нет, – усмехнулся, нагляя, Дар Гонт. – Я как раз уверен в обратном. Что вы знаете о любви, тёмный маг? О пожаре, что сжигает сердце и душу, обращает в ничто все ценности мира? Верите ли, что любовь способна подменить самую жизнь? Я пытался быть достойным её. Видит бог, я пытался. Но вы...

– Не я, – отрезал Эрей. – Вы снова видите лишь клинок, а не руку, что его направляет.

– И клинки ломают, советник. Как сломали однажды меня.

Забавная получалась беседа. Будто говорили разные люди, страдающие об ином, упрекающие во всех бедах сразу. Но маг уже чуял, слышал...

– Эгегей! – закричал Викард, вырисовываясь на краю поляны. Побратим потрясал мешком, привлекая внимание мага.

Дар Гонт подскочил, как ужаленный в зад, будто корень, на котором устроился, оказался коварным полозом. Метнулся в тень, пряча лицо, мокрое от слёз и испарины.

Нелегко разговаривать с магом Камней, особенно по душам. Ибо мажья душа – потёмки и холод.

«Ничего не поделаешь, – думал маг. – И тебя придётся вытаскивать к Свету. Новый подопечный на мою голову!»

– Братко! – гулко зашипел Викард, так, что иголки с ели посыпались. – Всё добыли, снабдил владыка! В порошок пе-

ретрём по обряду, а слово мажье – твоя забота.

– Будто сам не знаешь заклятья? – покачал головой Эрей. – Учись, Святогор, пригодится.

Викард осунулся, погрузился. Всучил лопух с голубикой.

У Эрея от сладкого во рту слипалось и мечталось о бузине, но голубику взял, раскусил, причмокнул к вящей радости варвара. Зачем огорчать побратима? Учись, Берсерк, тебе воевать. Не выйдет по-мажьему, смелешь порох и отправишь врагов на поклон Эттивве.

Викард отошёл к Стейси и Тверку, к ним поспешил Даждбор. Мрази зашипели, что выводок змей, обсуждая, как лучше скрыть плот на воде, ветками или иллюзией. Сошлись на смешанном варианте и скатились кубарем к Альбину Врану, уже заскучавшему на посту.

Эрей старался припомнить, сколько он ел до знакомства с варваром. По всем подсчётам выходило немного. Так и не смог доказать побратиму, что маги Камней не нуждаются в пище, им *камни* служат опорой. Как разговоры – светлому Братству. Вот и сидел теперь, как дурак, пихал в себя сладкую ягоду и старался не гадать о завтрашнем дне.

Нелегко решиться на жертву. Можно всё продумать и просчитать, правильно расставить фигуры на клетках. Но шагнуть, выманивая под удар, раскрываясь для смертной муки, – Княже, кто б знал, как муторно. Был бы человеком, бессонницей маялся, коптил небеса упрёками. Княже, как хорошо быть магом, хоть для этого годно убитое сердце: поз-

воляет выпасться в ночь перед казнью.

Эрей доел ягоды, прислонился к ели и, расслабившись, задремал. Сделают всё за него. И плот укрепят, и мажий порошок как-нибудь намешают. И Дэйву объяснят, что целькону не сыщется места на судне, и придётся монстру скакать по лесам, пытаясь догнать хозяина.

Наутро вниз по Алеру, широкому, как Божья ладонь, но неглубокому, что корыто, поплыл диковинный плот, обвитый кореньями и кустами и прикрытый добротной иллюзией. Со стороны мерещилось: стронуло водой пышное дерево, выдранное из земли камнепадом. Но когда плот цеплялся за мели и забившие русло камни, нёсся из зелени варварский мат, отрастали у дерева новые ветки, упираясь в склизкое дно. Викард толкал справа, Дажьбор слева, брёвна сходили с отмели и продолжали путь по реке, всё набиравшей ход.

По центру плота сидел монах, которому силой всучили полено, сухое, будто пустыня Хви́ро. Авось удержит монаха, вытащит на поверхность в случае катастрофы. Истерро смотрел на воду с опаской: плавать в скудном на реки Хви́ро умели разве что рыбаки. А монахам и вовсе Господь завещал пешими смиренно брести по миру.

«Зачем идёшь в замок, глупец? – пригнул к самым брёвнам голос, открывший на миг Океан Высшей Сферы. – Ведаешь ли, зачем идёшь?»

– За своим! – крикнул вслух Эрей, жадно впитывая солё-

ный ветер.

Сидевший рядом Даритель подпрыгнул, едва не свалившись с плота. Эрей удержал мальчишку за шиворот.

«Скверный маг, – огорчился Ригар. Неподдельно, так огорчается скульптор, расколовший прекрасную статую случайным ударом резца. – Ничему тебя не научил. Вернись в Аргоссу, безумец!»

«Я тебя тоже люблю, учитель, – растянул рот в ухмылке Эрей. – Давеча как раз о любви говорили».

И сразу его отпустило.

– Хорошо пошли! – пробурчал Викард. – Набрал силушку Алер, ожил, родимый.

– Шест до дна не достал! – поделился Даждьбор. – Тверк, ставь рулевое весло, пока не поймало стремниной.

Рулевым веслом деловитые мрази именовали бревно, обтёсанное топором до состояния толстой доски. Викард заявил с видом знатока, что эта штукавина зовётся гребь, но на него зашикали: длинное назвище звучало солиднее, а «гребь» все сочли за ругательство. Для упора пристроили небольшую рогатину, нарекли кормовой уключиной. Держалось всё на честном слове и отборном мате дружины, щедро делившейся наболевшим. Эрей подкинул пару заклятий, чтоб не огорчать мракоборцев, потому как рулить подобным веслом, да при этом уходить со стремнины не смогли бы и бывалые кормчие.

– Работает! – улыбался Тверк. – Смещаемся к берегу, мра-

зи!

Он бы руки потёр, да гребь мешала. Вместо него Стейси Ван-Свитт потёр и руки, и ноги, и даже на спине поёрзал от счастья. Настолько опостылел пеший маршрут, что мрази радовались, как дети.

Ликования добавил зелёный парус, сделанный из плаща Истерро. Бабник горестно вздыхал да охал, оплакивая одёжку, а остальные едва не сплясали, когда ветер надул полотно и прибавил скорости ненадёжному судну.

Маг считал мракоборцев бойцами, умудрёнными вечными схватками с нечистью, а на деле они оказались мальчишками!

Вскоре течение заметно стихло, и лишь парус двигал вперёд махину, которую Тверк обозвал ковчегом. Пойма Алера наполнялась водой. Опасность сесть на мель миновала, иньчиане отложили шесты и приготовили весла – те же брёвна, обтёсанные топором. Но перед гребными работами затребовали еды и чаю, горяченького, с дымком.

Стейси распричитался, обзывая их нелюдями ненасытными, но горячего чаю хотелось всем, а дежурил сегодня Ван-Свитт.

Тверк сдал гребь под присмотр Врану. С невразумительной руганью древоид растолкал Истерро, задремавшего на куче тюков в обнимку с пресловутым поленом. Из-под спины монаха вынул котелок с закопчённой рыбой. Сонный Бабник округлил глаза, только теперь осознав, что рубаха, и без то-

го несвежая, перепачкана в саже и воняет хуже старых рыбацких сетей.

«Чешуйчатая скотина», как именовали каждый улов, всем порядком поднадоела, но дичи добыть не получалось, а крупы, взятые в деревне с пиявцами, доели ещё второго дня. Жрёте, как вурдалаки, – ругался древоид, тыча обличающим пальцем в варваров. – Ладно бы охотились, падлы!

А рыбу кто достал? – обижался Викард. – Сами впроголодь живём, всё вам отдаём!

Вот и теперь дружинники морщились, но хватали рыбку за рыбкой из полного котелка. Не до жиру, питайся, чем Бог угостил.

Эрей посмотрел на Стейси, с мрачным видом стругавшего палочки для будущего костерка, послушал ворчание о великих бедах, что обрушатся на маленький плот: о спалённом парусе, о прожжённом ставе, о пробитом магическом куполе... Признал пророчества справедливыми и помог, раскрыл крупинку *кремня*, вмиг вскипятив воду под чай.

Ван-Свитт умилился от благодарности, изрёк, что от магов случается польза, и живенько набросал в котёл разных травок из поясного мешочка.

После обеда Викард заявил, что можно вздремнуть для отрады души. Но на него зашикали, кинули всем, что не жалко. Берсерк обвинил друзей в полном отсутствии романтизму, но не чинясь налёг на весло. Дажьбор пристроился с другой стороны. Плот сразу обрёл устойчивость и пошёл

быстрее по водной глади.

Ближе к затмению варвары взмокли. Они приближались к затору: к огромному каменному завалу, перегородившему реку. Алер вновь обращался в озеро и, отражаясь от плотной препоны, шёл в противоток вдоль берегов, закручиваясь в водовороты.

– Тверк, к рулю! – крикнул Эрей. – Правь к ближайшему берегу!

Распоряжение припозднилось. Хрустнуло весло в пальцах Даждъбора, ударило мразя в плечо, опрокинуло. Невесть откуда взявшийся вал подкинул ввысь непрочное судно, ветер разодрал льняной парус. Отчего развязались верёвки, заговорённые Стейси Ван-Свиттом, не понял даже Эрей.

Мир застыл, обесСилев, оглохнув, лишь раскрывались беззвучно рты, пока плот расходился по брёвнышку, рассыпался в жадные волны, а через миг все очнулись в воде, холодной, тягучей, голодной.

Эрея отбросило в сторону и понесло на гребне волны. Ак-вамарин, скромный, тусклый, найденный в юных горах Готтана, подчинил себе бурный поток, вознёс тёмного мага над хаосом, осторожно оставил на вершине завала. В нагромождении валунов маг углядел подходящую щель и быстро скинул мешочек с заготовленным мажьим порохом. Он успел загнать *кремень* под ногти, когда на соседний валун запрыгнул взмокший Даритель.

– Остальным не так повезло, – сморщившись, ткнул пальцем полковник.

Эрей скосил глаз на Алер.

Плот разметало в разные стороны, но мрази тонуть не соби­рались. Их нелегко было сжить со Свету, и невозможно схоронить во Тьме.

Викард уже выгребал на берег, таща на себе монаха, на­гло­тавше­го­ся студёной водицы. Истерро был напуган, сту­чал зубами, но упорно подтягивал к груди тючок, в кото­ром обычно таскал писания. Кто что спасает, – усмехнулся Эрей. – Побратим прихватил монаха, оружие, котелок. А Ис­терро бьётся за книги!

Дажьбор тоже плыл в сторону Мельт, ища спасения на берегу, близком к родному краю. Его унесло противотоком, но варварам холодная река нипочём, так, освежила немного, а то упарился, махая веслом.

Тверк расслабился в воде, бревно бревном, прости, зелё­ный, сравнение грешное! А на нём восседал, скрестив ноги, Стейси. Покоривше­го­ся потоку древоида относило к право­му берегу.

Альбину Врану повезло меньше: вода прихватила, стис­нула ноги, утянула и прихлопнула пенным валом. Но вскоре он выплыл вновь, упираясь во что-то мечом. Алер окрасил­ся алым, под ногами Врана мелькнул длинный ус, обозначив большого сома. *Руда*, из которой был выкован меч, позабо­тилась о хозяине, пронзила голову склизкой твари и напра­

вила к берегу. Альбин встал в полный рост, подбоченился и катил на рыбине, уходя от волны.

– Не так всё плохо, полковник, – от души улыбнулся Эрей. Даритель скривился ещё сильнее.

Алер взбесился водоворотами, ударил струями в беглецов. Но обратная формула *аквамарина* всё ещё не утратила Силы, и вода застыла, подчинившись приказу, пленённая магом Камней.

– Не только демоны управляют Стихиями! – пояснил мальчишке Эрей. – Но зачем всё это, ответь напоследок?

Даритель бессильно смотрел, как выбирают на берег мрази. Как к Викарду пикирует злобный Дэйв, выполняя распоряжение мага. Как инь-чианин, матеря светотень, швыряет Бабника на спину коня, запрыгивает сам между крыльев, лупит целькона в бока, принуждая сорваться в полёт. И вместо того, чтоб спешить к побратиму, направляет Дэйва к Мельтским горам.

– Всё рассчитано, маг Камней? – холодно уточнил Даритель. – Спас товарищей, а сам подставился? Но ведь главный приз у меня! Найдёшь ли *аквамарин* в мешочке? Хватит ли Сил вскрыть ещё один?

Эрей молчал, дожидался ответа.

– Тебе интересно, зачем? Ради любви, убийца! Разве ты сможешь понять? Любить иногда – всё равно что дышать! А если тебя лишают воздуха, на что решишься, чтоб снова вздохнуть?

– Так кого же ты любишь? – выгнул бровь Эрей, не делая попытки спастись.

Он казался спокойным, покорным, и Даритель увлёкся обличительной речью. Маг был готов, в самом деле готов услышать имя Милины, страшное в безысходности. Но Даритель рыкнул сквозь зубы:

– Сестру!

И Эрей расхохотался в ответ.

Демоны скоры, но маги быстрее. А Эрей был стремительней любого мага.

Даритель ещё хмурился на дерзкий смех, а ритуальный нож, вспоров руку мага, коснулся правой щеки предателя. Пальцы Эрея хранили частицы *аквамариновой* пыли, заклятье связало Гонта, заставило окоченеть. Ох ты ж, болото стоячее!

Ладонь мага легла на влажную рану, смешивая воду и чёрную кровь с примесью злого проклятья, убивавшего Императрицу.

– Хэнт то даэрэ, хэнт иллио! Хэнт карап лэгро! Кнез ма, тен окросс туа дэан, тен окросс фетэн колло! Вайли о сейто! Тейго о порри но! – нараспев произнёс он заклятье, от которого побелел Даритель. – Именем Тьмы, именем Света, именем Бога Единого! Княже, дозволю обратить заклятье, вернуть его злобу сказавшему слово! Да сбудется по речённому! Да обернётся зло против него!

Дар Гонт закричал, забился, рванулся от холодной руки,

от горького яда порчи, втекавшего в рваную рану. Щека его онемела, а Эрей делился проклятой кровью, завещая судьбу Императрицы.

Сверху донёлся металлический клёкот, маг даже не дёрнулся, не обернулся, он понял, что на помощь Дарителю примчался недобитый грифон. Свистнули хищные стрелы, и снова маг не стал отвлекаться, вливая чужую судьбу в жилы сказавшего слово смерти. Он и так знал: Тверк Тополь добрался до берега, не расставшись ни с луком, ни с мешком у пояса, полным *серебряной* смерти.

Инквизитор заметался, не зная, как быть. Он должен был догонять целькона, преследуя светлого мага, а вместо этого ввязался в бой, подставился под стрелы Тверка. Стрелял древоид, что песню пел, звонко, красиво выводил мелодию. Одна из стрел зацепила грифона, особая, с алым пером. Прабор вздрогнул, посмотрел на руку. Заклекотал от ярости.

Не нашлось у Тверка яда глоссарха, но уж в травяной отраве кое-что смыслил хитроумный мразь. И с памятной стычки в полях Альтавины всегда носил в колчане десятков сюрпризов, как он их называл, перемазанных ядовитым соком.

Инквизитор увернулся от новой стрелы, из последних сил поспешил к Дарителю. Споткнулся, упал на камни.

«Спасибо, древоид. За себя и Викарда, которого теперь не догнать. Но приказываю: уходи, пробивайся к войскам Императора!»

Вслух Эрей не сказал, лишь качнул плечом и взглянул на взмокшего Тверка. Тот кивнул, приучился уже понимать. Схватил Стейси, потащил от реки. Альбин Вран, не дожидаясь приказа, уже торопился вверх по течению, ведомый мудрым мечом.

Тогда Эрей, не отнимая руки от щеки помертвевшего Гон-та, щёлкнул пальцами боевой правой, зажигая растёртый *кремень*.

Под ногами, под толщей камней, где-то в самых недрах плотины вспыхнул магический порох, и мощным взрывом освободило реку, погребая в обвале Дарителя, мага Камней и грифона.

Духи Стихий

Во множестве древних свитков говорится о том, что Гариту создали первые дети, порождённые Светлыми магами.

Потому находится клетка Демонов недалеко от Венниссы, исконной обители Света.

Мало кто из недемонов имел возможность побывать в Гарите, хотя доступ внутрь долины открыт. Находились смельчаки и герои, что бродили по самой кромке. Были те, кто делал шаг-другой за, похваляясь удачью и безрассудством. Сколько их вернулось обратно? Об этом легенды молчат.

Не любят Демоны, когда их тревожат, и из сведений о Гарите имеем одни лишь слухи, которые некому подтвердить. Ибо даже вольные демоны не говорят о родной земле.

Правит Демонами древнейший Дух, именуемый Свашши. Мало о нём сказаний, даже неясно, какой Стихии этот демон принадлежит. Сколько ему лет – загадка, потому что ни разу за всю историю не упоминалось об ином правителе, только о грозном безжалостном Свашши. Но один ли это Демон, или каждого, ставшего Старейшиной Духов, называют именем Свашши, не ясно. Свашши – свободный демон, но опять же нигде не сказано, что он хоть раз покидал Гариту.

Остались в мире вольные Духи, и по ним мы можем судить о расе.

Демонам дано тринадцать смертей и два постоянных облика среди множества образов, что принимает тело. Демоническая сущность и человеческая, позволяющая жить среди людей. И если в своём истинном облике Духи Стихий грозны и страшны, ибо схожи с чешуйчатыми великанами с клыками, огромными крыльями, мощными когтистыми лапами, то их вторая сущность невероятно красива и по мажым меркам, и по людским.

Потому в фольклоре так много сказок, баллад и даже пьес балаганных о несчастной любви вольных Демонов и прочих обитателей светотени.

Муэдсинт Э'Фергорт О Ля Ласто
«Суть Вещей». География Кару. Глава о Демонах

4. Тёмный замок

– Что это за звук? – прокричал Истерро. Жалко случилось у Бабника, тоненько, будто щенок заскулил, но Викард и не думал насмешничать.

– Порох взорвался, – голос тоже подвёл, не слова, хриплый стон прозвучал. Слишком многое бурлило внутри, металось от ума до пробитого сердца и мешало дышать во все лёгкие. – Братко разрушил завал.

– Он же спасся, Викард? – чуть не плакал монах.

Варвар смолчал, не мог говорить, окаменели губы. А упавшее сердце повредило нутро: заболел живот, будто свело, закололо под ложечкой от дурных пророчеств.

Бабник ждал, извернуться пытался, заглянуть великану в лицо, против воли пришлось отвечать:

– Верую, что братко жив! – это даже не монаху, себе, чтобы кровь перестала кипеть, чтобы зуд прошёл в руках и ногах. – Он маг Камней, Истерро.

Было больно и стыдно, даже уши горели, будто впервые дал труса варвар, сбежал с поля битвы, из самого пекла, в котором жарили родича. Святогор завыл, пугая Истерро, нервируя одуревшего Дэйва, по-волчьи завыл, с оттяжкой, будто древняя память очнулась и далёкий предок, Крылатый Волк, ткнул под рёбра опозорившего род потомка.

– Я клялся тебе! – крикнул Викард, оглядываясь на Алер. – Ты сам за меня порешал!

Слёзы покатались вдруг по щекам, спасительные, солёные, но Викарду казалось: он плачет кровью, истекает алым из пробитых глазниц. И от этого становится легче сердцу.

– Берсерк! – мягко позвал Истерро, и в мире прибавилось зелени. – Не нужно так, варвар, зачем? Давай вернёмся и примем бой!

Викард сбился, перестал вопить дурным зверем. Даже на миг придержал целькона.

– Моя жизнь не дороже Эрея, кому это знать, как не мне? – продолжал убеждать Истерро.

Как же хотелось поверить Бабнику, великий Эттивва, хоть губы кусай! Здесь, в предгорье священных Мельт, Сила Истерро ещё подросла. Она, словно богатырь из сказаний, давила на плечи, ломая волю. Викарду показалось: он входит в землю по щиколотку, по колено, по пояс.

Но и варвар в родных горах становился упорнее и опасней. «Куда ж ещё-то?» – рассмеялся Эрей в голове тоскующего инь-чианина.

Мажий мрак всколыхнулся в живой крови, замутнённой обрядом братания. Тёмный холод прорезал жилы, выпитал *самоцветную* Силу Мельт, отрезвил и выставил щит. Не любил побратим Светлой волшбы, заслонялся, как мог, от чужого хотения, даже теми малыми каплями, что когда-то достались Викарду.

– Мнишь, ты умнее мага Камней? – прорычал варвар на ухо Истерро.

И, прежде чем Бабник сумел возразить и продолжить мажью атаку, ткнул ему в точку на шее, в ту самую, что показывал Тверк. Истерро замер, бревно бревном, едва не свалился с целькона. А главное, заткнулся, Глас Рудознатца, перестал неволить грешную душу, и без того в лоскуты посечённую сомнениями и тревогой за брата.

– Так-то лучше! – придержал его инь-чианин. – Помолчи пока, друже, не режь меня голосом. И боле не смей принуждать! Поклянись перед Небом, что свято для Светлых... Ах да, ты же слова молвить не можешь! Вот и славно, вот и мне полегчало.

Но обида ещё дозревала в груди, что ж, в самом деле, как можно с другом? Будто мало печали Викарду! Будто мёртвое в нём сердце, как у мага Камней! Сам не смолчал, хотя зарекался, попрекнул, напомнил, о чём не след:

– Ничему ты не учишься, хоть и монах. Ты де Борга спастись побежал, и чем оно обернулось?

Светлый брат сидел на спине целькона, будто каменный истукан, прихваченный под облака ради забавы воинской. Но на руку Викарда, что держала Истерро, вдруг упало что-то горячее, влажное. И обида великана растаяла, будто летний снег в ю-чиньских горах.

– Прости, – шепнул он на ухо монаху. – Но ты первый мне по больному вдарил. Братко всё рассчитал, он привык

к мажым играм, к поляне в черно-белую клетку. Мы ему нужней на свободе. И не бросим в беде, пойми, чудак, про то уговору не было!

Они пролетели ещё немного, закружили над первыми пиками Мельт. Викард снова склонился к Истерро:

– Бабник, щас тебя разневолю, только не злись и не дергайся. Славно, что Тверк зацепил грифона! А то бы и нам веселиться, воевать с подлюгой крылатой. Вот, отгаивай и держись! Мне сейчас обе руки сгодятся, Дэйвом править одно мучение!

Истерро закашлялся, согнулся от боли, инь-чианин даже струхнул, что сейчас малахольный монах попачкает гриву целенской твари, и этого Дэйв не стерпит. Но пронесло, милловал Князь!

Викард ухватил целькона за гриву, заставляя подсветить загустевшие сумерки плевком рыжего пламени. Углядев поляну в предгорьях, снова дёрнул узду, чуть не выдрал из холки, и заставил коня спикировать вниз.

Дэйв мягко коснулся земли копытами, извернулся, норовя укусить обидчика, и получил промеж глаз кулаком от глумливого инь-чианина.

Пояс Ясаны затянулся потуже, и на Мельты свалилась ночь.

В шатре государя собрались полковники.

Масляные лампы освещали стол, заваленный военными

картами, рождали на стенах шатра чудовищные, страшные тени. И Раду порой казалось, что не люди, а нежить собралась на совет, так ломала игра светотени привычные лица воинов. Что вышли они из ночи, упавшей на Олету могильной плитой, и на рассвете растают, уступая место новым героям.

Полковники Ферро роптали. Не на государя, упаси Единый! Полковники злились на сельтских союзников. Не для того они шли в Олету, чтобы тащиться в хвосте у селтов.

Основу сельтского войска испокон веков составляла конница.

Таранным ударом хоругви взламывали строй ольтских полков, преграждавших путь Императору, рассекали оборону врага и спешили вниз по течению Алера к далёким Пустотным горам. Идущие следом копья Сельты с мечами, пиками и клевцами – молотами с заострёнными клювами – без жалости добивали противника, а малочисленная пехота деловито довершала разгром.

Лёгкая конница с малыми луками, на манер юциньских кочевников, бездумно выжигала деревни и крепости, и без того разорённые прошедшим трясением тверди.

Ферры молча шли за их спинами, без трофеев, без славы, без чести.

Рад понимал недовольство полковников, не гневался, терпеливо беседовал. Пусть бьётся Сельта, теряет витязей. Многих достойных схоронили ферры, отстаивая её рубежи, теперь очередь рожконосцев. Чем меньше останется в Сельте

бойцов, тем дольше проживёт в покое Империя. Ближе к Пустотным горам он отправит Даго-и-Норов на подвиги, а сам возьмётся за младшего брата. Вот где будет и слава, и честь, и задача, достойная воинов!

Император верил, что тёмный маг отыщет проход к тайной крепости, укрывшей мерзавца Линара, и сумеет выкурить того из убежища.

«Не смей убивать! – шептал он Эрею, когда оставался один. – Слышишь, советник, не смей, помни, что я приказал. Он мой родич, мой брат. Я сам это сделаю!»

– Государь, – проворчал богатырь Паст Заверша, ольчинский пехотный глава, – но ведь селты ныне – что твои варвары, жгут почём зря деревни. Кмети ропщут, проклятьями сыплют. Дозволь хоть зерно брать в обоз, просо с пшеницей из закромов!

– Да кому тут зерно молотить? – усомнился Грегори О’Сорм, но по лицу было видно, что полковник солидарен с Завершей.

Паст Заверша упёрся, как умеет лишь пехота крестьянская:

– Тут люд хозяйственный, не то что в Сельте. Рогоносцы брезгуют землю пахать, а ольты кормятся с любого клочка. И репа зреет, и буряки – что ботва, что корни одно загляденье. И пшеничные поля в стогах, солома сохнет, а зерно схоронено. Опять же, я с беженцами слово молвил. Из Межгорья притопали рыбаки, спасения от Мельт гневливых искать.

Спомогли с урожаем за долю малую, детушек прокормить. А перья павлиньи жгут и крушат! Не по-людски, государь. Ведь твои здесь земли, не сельтские.

Император поморщился и кивнул: и впрямь пора напомнить героям, что Олета входит в состав Империи!

Вызванный в шатёр старый Варт склонил повинную голову:

– Не знаю, что с рыцарями творится. У самого аж руки зудят, хочется землю кровью залить. И тянет к Пустотным горам, до чесотки, до жилок красных в глазах. Утром просыпаюсь, гляжусь в ручей и отражения в нём пугаюсь. Наши мечи и клевцы будто сами на головы вражьи падают. Мы ведь недругов не добиваем! На этом стоит сельтское рыцарство. А теперь замарались по локти и остановиться не можем!

– У вас те же проблемы, полковник? – обратился Рад к Томасу Вас-Тьену.

– Никак нет, государь! – вытянулся граф, преданно сверкая глазами, само послушание и смирение. Но потом прищурился на Даго-и-Нора: – Прикажете – будем жечь-убивать. Подвинем сельтское воинство и скинем ольтов в юциньское море. Или продолжим скучать с обозами, собирать урожай на голодную зиму. Только грех это, уж простите, – не дозволить ратникам жить со звоном!

Барон де Грег, собравший под баннер остатки саррчан и торрцев после гибели Ратьена де Борга, тоже не одобрял действий Сельты:

– Все мы видели, что сделалось с Альтавиной. Урожай загублен, затоптан. Уничтожить запасы провизии – затея, недостойная рыцарей. Дозвольте нам пресекать поджоги и карать за самоуправство.

– Местное крестьянство падает в ноги и молит о заступничестве Императора! – поддержал барона Эnten Жалви. – Да простит меня государь, но несколько раз мы отгоняли одуревших лучников Сельты. Сиволапые доставали льняные тряпки, рисовали клюквенным соком корону и привязывали к длинным жердям, подавая знак, что они свои. Но селты едино готовили луки.

Император нахмурился.

– Нет-нет, государь, – поспешил внести ясность Жалви, – до драки не доходило, одного вмешательства моих конников хватало, чтоб образумить селтов. Они даже благодарили марёвцев, точно мы их от морока освобождали.

– Морок! – зашептал обессиленный Варт. – По-иному не скажешь, полковник. Нутро пламенем горит, а пальцы крючит, притягивает к рукояти. Сельте нельзя идти дальше, умом-то я понимаю, а отдать приказ не могу. Тянет к Пустотам проклятым, словно аркан вокруг шеи обвился.

Рад обеспокоенно огладил бороду. Сельтское рыцарство с давних времён славилось благородством! И хвалилось длинным списком традиций, вызывающих оторопь и удивление. А теперь бесподобные витязи – длинноволосые латники, с плюмажами из павлиньих перьев, со знаменитыми боевыми

рожками – обращались в толпу убийц! На глазах Императора гибла эпоха честных поединков один на один, служения прекрасным дамам и протяжных баллад о любви и верности.

– Дозволишь войти, государь? – спросил из-за полога Ральт Рванный Щит.

– Дозволю! – крикнул вождю Император.

Вот же! Есть в войске варвары, потомки Эттиввы-Завоевателя, а их не тянет жечь земли в Хвиросе и разбойничать на пепелище!

Ральт словно прочёл его мысли:

– Так не единой *рудой* воюем. Доверяем больше рукам и ногам. А Сельта молится на оружие. Вот её ратники и рвутся к Руде. Вспомни, государь, что сказал советник: в мир упало Кольцо Некованое. Лежит на Свету и пьёт кровушку, дабы вовсе не сгинуть. А прочие *руды* служат ему, направляют ратников на убийство.

Все молчали, смотрели на Ральта и не знали, верить ли слову вождя.

– Государь, – попросил бледный Варт, и слова дались ему нелегко. – Прикажи навести переправу. Пока есть люди в окрестных селищах, пока целы деревья в лесах. Пусть построят мост, и хотя бы Алер станет защитой селтам!

Рад задумчиво взглянул на старого маршала: не хотелось так скоро разделять войска. Но тут в шатёр Императора с поклоном проник коротышка Сэт. Мракоборец басовито откашлялся:

– Весточка от Эрея Тёмного. Дозволишь доложить, государь?

Император кивнул, сделал знак рукой. Полковники заспешили на воздух.

– Говори! – приказал Радислав.

– Слово в слово, – склонил голову Сэт. – Линар ищет Руду и сзывает войска для защиты Тёмного замка. Бойся селтов: если Руда прикажет, меч станет превыше держащей руки, жди предательства и гибели.

– Кто принёс эту весть?

– Пустельга, – с поклоном ответил Сэт. И, как показалось Радиславу, стрельнул раздвоенным языком.

Эрей скользил по сколу сознания. Он помнил, как оглушенный, раненый, с переломанной левой рукой, по которой успел ударить грифон, упал в воду и сразу пошёл ко дну. Помнил, как отчаянно тратил Силу, пытаясь вскрыть припасённый *агат*, чтобы вдохнуть хоть немного воздуха...

Но кто достал его с мутного дна? Память не давала ответа.

Слышал гулкие голоса, видел лица, расплывчатые, серо-зелёные, будто смазанные рекой. Различил жестокий приказ:

– Отрубите косу под корень!

– Может, всего обрить для надёжности? По лесам слонялся, вдруг вши одолели? Ну или блохи замучили?

– Не дерзи, Лир-де-Стэг, делай, что велят!

Кто-то склонился так низко, что почти коснулся уха губами:

– Ты извиняй, Темнейший, не взыщи, коли что не так!

Он помнил краткий издевательский свист и непривычную лёгкость, охватившую голову. Словно сбросил добрую сотню лет ненавистной мажеской жизни! А потом Эрея скрутила боль: Сила вытекала, уходила прочь, будто вынули из тела затычку. Волосы остричь – магию забрать, на такое только в Аргоссе решались, чтоб не таскать многомильные косы, средоточие мажьей мудрости. Срез полагалось окунуть в Источник, закрывая путь *Каменной* Силой. А в свободном мире да чужим ножом, без заклятий и ритуалов...

– Вкуссно, сладко! – ликовал кто-то, шипел, растягивал гласные. – Отнеси его косу в хранилище, Лир, это сокровище интересней иных драгоценностей мира. Но сначала запрети гостя в клетке. Мы вас ждали, советник, так ждали, вот и сейчас: вечерять пора, а мы ещё за стол не селись!

Кто-то вновь придвинулся, перекрыл свет факелов, посмотрел в упор змеиными глазами. Ноздри раздувались от жадности, от нетерпения, предвкушения, будто славную игрушку добыл, и хочется потянуть за руки-ноги, открутить голову. Смять, сломать!

– Снова носишь *золото*, Лин? – укорил неразумного принца Эрей. – Зря не слушаешь добрых советов.

Его голос был спокоен и холоден, а сердце билось ровно, привычно. Полумёртвое сердце мёртвого мага. Принц пере-

стал дрожать в лихорадке, отступил на шаг, призадумался.

– Надо же, – наконец усмехнулся Линар. – Он и в темнице советует! Как говорил твой наглый варвар? Ай, хорошо, ай, славно! У нас будет время пообщаться, советник, у меня скопилась куча вопросов. Даже свитком обзавёлся, чтоб не забыть.

– Запиши в свой свиток, – подмигнул ему маг, – что к обеду я люблю оленину. И полынь, настоящую на меду.

Линар рассмеялся, радуясь шутке.

– Ну дела! – отдувался Семиус Лир-де-Стэг, красуясь перед жрицей и Милиной И-Дель Фабро. – Лично, вот этим ножом отрубил косу Эрею Тёмному! Самому Эрею! Боже Ушедший, рассказать кому, за безумца примут.

– Или за гада последнего, – промурлыкала Лайна, скрывая ярость.

– Или за воителя древности! – не упустила шанса Милина, подцепила на крючок красивого воина. – И что за коса у мага? Стоит ли о ней говорить?

– Так себе косица, – хмыкнул Семиус, вмиг распознав кокетство. Лайна видела: бретёр темнит, играет в собственную игру, мнит себя крутым интриганом. – Ваши косы, девушки, мне милее: шёлковые, густые, пахнут розами да фиалками. В таких и запутаться можно!

Милина благосклонно кивнула. Лайна выставила вперёд плечо, украшенное шкурой рыси. Лир-де-Стэг отозвался

привычным рыком и полностью переметнулся к Милине, взял под локоток, повёл в сторонку.

«Глупо! – укорила себя Лайна Фе. – Верни бретёра, узнай про косу!»

Но Милина с щебетом висла на Лире, опутывала чарами голоса, приманивала каждым движением тела. Полагала, что мстит Лайне Фе, уводя навязчивого кавалера? Жрица изобразила обиду, потом наспех прикрылась безразличной маской. Игра незатейливая, привычная. Знаки, читаемые всеми дамами, хоть раз бывавшими при дворе.

Милина всё поняла, как должно, улыбнулась победно сопернице и поманила бретёра прочь, ближе к своим покоям.

Славно сыграно. Будет повод, чтобы спуститься в подземелье к Лиру. Мол, забыл её, променял на другую. Не понял коварной женской натуры. Соперничество двух прекрасных дам должно польстить Лиру-де-Стэгу, знаменитому при дворе сердцееду. Но с этим она разберётся позже.

Ей хотелось побыть одной. Всё обдумать, принять решение.

Ей хотелось увидеть Роша и услышать подробный рассказ о последних минутах свободы Эрея.

Обжиться в камере магу не дали.

Впрочем, не было там ничего интересного, так, холодные влажные стены, гнилая солома вместо кровати. Мёртвые камни для мёртвого мага. Запечатанный путь в Океан.

Эрей ощущал себя странно. Голове было слишком легко. И непривычно пусто рукам. То и дело он шарил вокруг себя, пытаясь нащупать посох. То и дело касался пояса, разыскивая заветный мешочек. Не было при нем атрибутов магика, хорошо хоть меч и флягу Жатто он припрятал в тайник, на остатках Силы дотянувшись до замка в Аргоссе. В голове зудело, как в осином гнезде, жалило глупую память, и она попрекала упрямые руки. Ведь там, на скользких камнях, остановивших воды Алера, он мог открыть чаропорт в Аргоссу, уйти от позора и муки, как приказывал грозный учитель.

«Скверный маг! – наслаждался Эрей проблеском заботы наставника. – Когда-то ты мной гордился, Сильнейший. А теперь позволяешь нелепым чудищам рубить косу Последышу, магу Камней! Не ты ли твердил: нам законы не писаны? И лишь магам дано осуждать друг друга?»

Нет ответа. Не слышит наставник. Порождения воли его и беспокойного разума верховодят теперь в Тёмном замке, древнем пристанище магов Аргоссы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.